ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С.К. Гураль

ЯЗЫК
КАК САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Под научной редакцией профессора В.Н. Сушковой

Издательство Томского университета

2009

УДК 378.016:811.111
ББК 81:88:74.00]Я73
Г95

Рецензенты:

Е.С. Антонова, д-р пед. наук, проф. Московского педагогического гуманитарного университета; *В.Н. Сушкова*, проф. Тюменского государственного университета; *И.А. Цатурова*, зав. кафедрой лингвистического образования ТРТУ, д-р пед. наук, проф.

Гураль С.К.

Г95 Язык как саморазвивающаяся система. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 122 с.

ISBN 978-5-7511-1929-4

Язык рассматривается как сверхсложная саморазвивающаяся система, поскольку он находится в постоянном движении и саморазвитии и функционирует на основе многих параметров, например устойчивости (термин Г. Хакена), являясь дискурсивной, культурологической, социокультурной, эколингвистической, социорегулятивной и т.д. системой. Все эти параметры детерминированы самосознанием, а там, где развивается самосознание, система становится наиболее сложной. Дается историографический анализ понятия «синергетика», прослеживаются этапы развития синергетики, поскольку невозможно рассматривать язык как сверхсложную самоорганизующуюся систему без осмысления синергетических процессов в нем.

Для студентов-лингвистов, преподавателей иностранного языка, а также слушателей курсов повышения квалификации.

УДК 378.016:811.111
ББК 81:88:74.00]Я73

ISBN 978-5-7511-1929-4 © С.К. Гураль, 2009

Глава 1

ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ

1.1. Синергетический подход: история вопроса

В последние годы наблюдается стремительный и бурный рост интереса к междисциплинарному направлению, получившему название «синергетика» (от лат. sinergeia – сотрудничество, кооперация, содружество, от греч. «синергетиа» – совместное, кооперативное действие). Это новое направление в развитии науки возникло в 70-х годах XX века. Имя новому научному направлению дал профессор Штутгартского университета физик-теоретик Герман Хакен [1], который рассматривал синергетику как междисциплинарную область исследования кооперативных процессов *самоорганизации* в системах разной природы.

Синергетика, будучи наукой о процессах развития и самоорганизации сложных систем произвольной природы, наследует и развивает универсальные, междисциплинарные подходы, такие как текстология А.И. Богданова, теория систем Л. фон Берталанфи, кибернетика Н. Винера. Синергетика Хакена также имела своих «предшественниц» и по названию: синергетику Ч. Шеррингтона, синергию С. Улана, синергетический подход И. Забуского. Так, например, Ч. Шеррингтон называл синергетическим или интегративным согласованное воздействие нервной системы спинного мозга при управлении мышечными движениями (согласованное действие сгибательных и разгибательных мышц – протагониста и антагониста).

И. Забуский к середине 60-х годов, реалистически оценивая ограниченные возможности как аналитического, так и численного подхода к решению нелинейных задач, пришел к выводу о необхо-

димости единого синергетического подхода к нелинейным математическим и физическим задачам. Г. Хакен, обращая внимание на возможность единого описания систем самой различной природы, делает вывод о том, что «синергетика внесет свой вклад в дело взаимопонимания и дальнейшего развития кажущихся совершенно различными наук» [1, с. 381]. Он убежден, что законы самоорганизации могут быть распространены не только на сферу физического знания, но и на сферы других наук. Принципы синергетики можно применить к многочисленным системам, которые относятся к большому спектру дисциплин, и это дает возможность создать новые приложения и подходы [2, с. 272].

Синергетика, таким образом, приобретает статус междисциплинарного научного направления. Спустя более чем 30 лет дискуссии о том, что такое синергетика и насколько простираются границы её применения, не утихли. Это обуславливает огромное количество научно-исследовательских работ на эту тему, в которых предлагаются различные ответы на поставленные вопросы.

Чтобы определить потенциал синергетики, мы должны ответить на следующие вопросы: в чем состоят основные идеи синергетики? каковы границы применимости идей синергетики? каким образом возможно применение синергетического знания к социогуманитарным наукам?

Синергетику можно рассматривать и как преемницу, и как продолжательницу многих разделов точного естествознания, в первую очередь теории колебаний и дифференциальных уравнений. Именно теория колебаний с ее «интернациональным языком», а впоследствии и «нелинейным мышлением» стала для синергетики прототипом науки, занимающейся построением моделей систем различной природы, обслуживающих различные области науки, а качественная теория дифференциальных уравнений, начало которой было положено в трудах Анри Пуанкаре, и выросшая из нее современная общая теория динамических систем вооружили синергетику значительной частью математического аппарата.

Предшественницей синергетики считается также и общая теория систем как одна из областей знания, подготовившая проблематику самоорганизации. Системный подход как действующая методология привел к формированию общей теории систем (метатеории), предметом которой являются класс специальных теорий систем и различные формы системных построений.

Что касается синергетики, то здесь речь уже идет не о системах как таковых, а о *процессе* структурирования. Ядром рассмотрения здесь является самоорганизация. В данном случае мы можем сказать, что произошел переход от статики систем к динамике, хотя статус и место синергетики не определены столь четко, как в случае с общей теорией систем. Так, например, Г. Хакен [3] видел в синергетике универсальный формальный язык, позволяющий описать разнообразные процессы самоорганизации. В целом язык и методы синергетики опираются на нелинейную математику и результаты естественных наук, изучающих эволюцию сложных систем.

На сегодняшний день существует несколько школ, в рамках которых развивается синергетика и синергетический подход:

1. Брюссельская школа Ильи Пригожина [4, 5, 6], в русле которой разрабатывалась теория диссипативных систем, раскрывались исторические предпосылки и мировоззренческие основания теории самоорганизации.

2. Школа Г. Хакена, профессора Института синергетики и теоретической физики в Штутгарте. Он объединил большую группу учёных вокруг шпрингеровской серии книг по синергетике, в рамках которой к настоящему времени увидело свет более 60 томов.

3. Математический аппарат теории катастроф для описания синергетических процессов разработан российским математиком В.И. Арнольдом и французским математиком Рене Тома.

4. В рамках школы академика А.А. Самарского и члена-корреспондента РАН С.П. Курдюмова [7] разработана теория самоорганизации на базе математических моделей и вычислительного эксперимента.

5. Синергетический подход в биофизике развивается в трудах членов-корреспондентов РАН М.В. Волькенштейна и Д.С. Чернавского.

6. Синергетический подход в теоретической истории развивается в работах Д.С. Чернавского, Г.Г. Малинецкого [7], Л.И. Бородкина, С.П. Капицы [8], С.Ю. Малкова, А.В. Коротаева, П.В. Турчина, В.Г. Буданова [9, 10, 11] и др.

Остановимся более подробно на рассмотрении синергетики с позиции Г. Хакена и И. Пригожина, поскольку именно они считаются ее основателями. По Хакену, синергетика занимается изучением систем, состоящих из большого числа частей, компонентов

или подсистем, одним словом, деталей, сложным образом взаимодействующих между собой. Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и изучаться различными науками, например физикой, химией, биологией, математикой, экономикой, социологией, лингвистикой. Каждая из наук изучает «свои» системы, с присущими только ей методами, и соответственно формулирует результаты на «своем» языке. В отличие от традиционных областей науки, синергетику интересуют общие закономерности эволюции (развития во времени) систем любой природы.

Синергетика возникает не на стыке наук в более или менее широкой или узкой пограничной области, а извлекает представляющие для нее интерес системы из самой сердцевины предметной области частных наук и исследует эти системы, не апеллируя к их природе, своими специфическими средствами, носящими общий («интернациональный») характер по отношению к частным наукам. Синергетика с ее статусом метанауки изначально была призвана сыграть роль коммуникатора, позволяющего оценить степень общности результатов, моделей и методов отдельных наук, их полезность для других наук и перевести контекст конкретной науки на высокую латынь междисциплинарного общения. Положение междисциплинарного направления обусловило еще одну важную особенность синергетики – ее открытость, готовность к диалогу на правах непосредственного участника или непритязательного посредника, видящего свою задачу во всемирном обеспечении взаимопонимания между участниками диалога.

Синергетика изучает взаимосвязи, процессы самоорганизации. *Предмет синергетики – это реальность, но реальность, имеющая другой модус существования, это реальность взаимосвязей.*

Синергетика пытается понять взаимодействие между микро- и макроуровнем, взаимодействие между частью и целым. Г. Хакен проводит сопоставление между традиционным описанием сложных систем и синергетическим описанием [3]. Единицей описания в традиционном подходе является отдельный элемент рассматриваемой системы, например клетка, нейрон, компьютер. Единица описания в синергетике – это сеть, состоящая из клеток, нейронов, компьютеров.

Если в обычном описании свойства приписываются индивидуальному объекту, в синергетике – ансамблям, множествам объ-

ектов, т.е. за результат работы, за способность быть наделенными теми или иными свойствами отвечают не отдельные элементы системы, а их коллективные взаимодействия, согласованности, синхронизации, когерентности. Если в традиционном подходе описание качеств системы явно или неявно опирается на принцип локализации, то синергетика, как и квантовая механика, существенно нелокальна.

Г. Хакен полагает, что синергетику можно рассматривать как самую развитую теорию самоорганизации. Самоорганизация рождается самой системой в результате потери устойчивости некоторого состояния как некоторый обобщенно понимаемый фазовый переход, это, по мнению Г. Хакена, самое главное в синергетике [1].

Другой подход, но к тому же явлению – самоорганизации – осуществляет брюссельская школа во главе с И. Пригожиным, который акцентирует внимание на проблеме необратимости, на возможности в рамках синергетики рассмотреть, как организуется порядок из хаоса. По И. Пригожину [6], синергетика дает качественно новое представление о хаосе. Хаос в синергетике рассматривается в эволюционном ключе: не как последняя стадия в развитии систем, а как источник нового порядка. Осмысление того, что хаос может быть источником порядка, что случайность – не только следствие простого непонимания, а может быть имманентным свойством развивающейся структуры, имело самые существенные последствия. Заметную роль стало играть представление о хаосе, который в сильнонеравновесных системах может стать источником порядка.

В синергетике через явление необратимости меняется само это представление: оказывается, что и малое воздействие на диссипативную систему может привести ее в новое состояние, причем оно принципиально непредсказуемо. В синергетике рождается новое статистическое видение мира, связанное с нелинейностью, имманентной случайностью.

Традиционно случайное понимается как отсутствие закономерности. При описании динамики диссипативных систем случайность стала рассматриваться как близкая по смыслу таким понятиям, как независимость, неоднородность, спонтанность, свобода, неопределенность, хаотичность. «Царством случайности» называет И. Пригожин состояние неустойчивости системы в точках бифуркации – точках, где система теряет устойчивость и происходит ветвление эволюционного пути [12].

Случайность выступает как самостоятельное начало, как имманентное свойство нелинейного мира. Диссипативные процессы, рассеяние есть проявление хаоса, существующего на микроуровне. Поэтому хаос может быть воспринят не как разрушающая сила, а как фактор самоструктурирования нового порядка.

Хаос как объект постнеклассической науки есть типичное явление, он присутствует всюду. Хаос – это новый тип порядка, который раньше не видели, воспринимали как тепловой шум, а теперь стали видеть везде.

Динамический хаос как бы открывает системность внешнего мира, обеспечивая возможность получения информации о целом. Это называют коммуникативной функцией хаоса. Эволюция в этом контексте есть спонтанное структурирование систем. Синергетика позволяет понять разрушение как креативный принцип. Синергетическая ситуация предстает как эволюционная игра, в которой ничто не предопределено, кроме общих правил самой игры. Учитывая универсализм синергетической ситуации и экстраполируя на социальную сферу вышеприведенные заключения, можно прийти к выводам такого порядка: не субъект дает рецепты и управляет нелинейной ситуацией, а сама нелинейная ситуация, будь то природная, ситуация общения с другим человеком или самим собой, както разрешается и в том числе строит самого субъекта. Нелинейное, творческое отношение к миру, таким образом, означает открытие возможности сделать себя творимым, позволить нелинейной ситуации или другому человеку влиять на себя. Похожий принцип находим в поэтическом государстве Поля Валери: «Творец – это тот, кто творим».

Итак, являясь междисциплинарным знанием, синергетика изучает системы, но не любые, а определенный класс динамических систем. Динамической системой можно считать любой объект или процесс, для которого можно определить понятие состояния как некоего мгновенного описания этой системы. *Объектами синергетики являются диссипативные открытые нелинейные системы.*

Важнейшая характеристика диссипативных систем – открытость. Сам термин «диссипация» происходит от англ. dissipate «рассеивать». Им обозначается класс систем, рассеивающих, обменивающих с окружающей средой вещество, энергию, информацию. Поэтому открытость – это необходимое условие их существования, это способность к взаимодействию. Поясним, что под открытостью

систем понимается, прежде всего, их способность к взаимодействию и обмену веществом и энергией. Диссипативные структуры уникальны в том смысле, что могут возникать в самых различных процессах природы, и только они способны к развитию. Теория диссипативных структур (синергетика) – это теория процессов самоорганизации, она указала некоторые условия, необходимые для эволюции, и тем самым явилась первым шагом на пути к объяснению жизни с позиций физики. Диссипативные системы оказываются способными к конструированию порядка, каких-то новых процессов, которые поддерживают их гомеостазис, и формированию нового.

Одним из ключевых понятий синергетики является *бифуркация.* Дословно bifurcus «двузубый, раздвоенный» (лат.), это точка ветвления, точка разветвления. Точке бифуркации соответствует критическое значение процесса самоорганизации, когда траектория развития системы начинает отклоняться от того пути, по которому система шла до сих пор. Вблизи точки бифуркации система «ищет», куда она пойдет. Наглядным образом бифуркационной модели в культуре является один из древнейших архетипических образов человека – образ мирового древа. В биологической эволюционной модели ему соответствует генеалогическое древо, иллюстрирующее дивергентный путь развития.

В данном контексте предположим, что синергетика может быть определена как наука о нестабильности. Однако мир синергетики – это не только мир критических неустойчивостей и «обвальных процессов». Мир синергетики – это процессы становления порядка из хаоса. Синергетика становится источником нового взгляда на мир, нового эволюционного и холистического видения мира. Отсюда понятно, что самоорганизация возможна среди хаоса, хаос может играть организующую роль.

Таким образом, чтобы подчеркнуть конструктивность диссипации, вводят термин «диссипативные структуры» (И. Пригожин [4]), чтобы подчеркнуть роль коллективных процессов в самоорганизации, вводят термин «синергетика» – сотрудничество, содружество, совместная кооперация, совмещение (Г. Хакен [1]).

На сегодняшний день синергетика – это активно развивающееся направление. Тенденция глобализации синергетики продолжается, возникают новые смежные дисциплины, например социосинергетика, активизировались исследования «на стыке», такие как си-

нергетика и психология, синергетика и язык, синергетика и экономика, синергетика и культура и т.д.

Так, например, Е.Н. Князева рассматривает синергетику «как новую исследовательскую парадигму в широком культурно-историческом контексте». Многие идеи синергетики, выраженные на специфическом языке и формализованные математически, представлены ею в виде образов культуры, это показывает, что синергетика резонирует со старым и придает новые смыслы давним представлениям, идеям и символам [13].

В.И. Аршинов и Я.И. Свирский рассматривают синергетику не только как новую картину мира, но и как научное мировоззрение, внутренним образом включающее в себя философский смысл: «Синергетика направлена на диалог как способ своего концептуального бытия и становления, а потому она изначально философична» [14, с. 17].

По мнению В.С. Степина, синергетика – это «путь, на котором формируются сегодня новые ценности, мировоззренческие образы, составляющие предпосылки синтеза современной техногенной культуры и традиционалистской».

Интересны, на наш взгляд, также параллели между синергетическим и восточным типом мышления, а именно идея единства и согласованности мира, связи всего со всем. Синергетика в данном случае обнаруживает внутреннюю связь элементов мира, осуществляемую «через малые воздействия, флуктуации». Принцип «увэй» (см. о нем далее) и идея когерентности. Символ «инь–ян», закон кармы и идея цикличности, ритма, «автопоэтической реальности» (Ф. Варела, У. Матурана [15]), в которую вплетено личное бытие.

Т. Григорьева, расценивая рождение синергетики не столько как смену научной парадигмы, сколько как смену вектора движения научной мысли, пишет: «Вместо наблюдения над внешним объектом, предметом, происходит сосредоточенность на внутренней форме, на тонком мире, на том сущностном, что невидимо присутствует, что греки называли «эйдосом», а китайцы – «ли». В синергетике стираются, казалось бы, укоренившиеся в западной культуре дуализмы материи и сознания, субъекта и объекта, природы и человека. Мир, который виделся пространством, заполненным кусками вещества, предстал живым, спонтанным, самоорганизующимся. Поэтому синергетика является фундаментом новой культуры,

нового способа бытия человека в мире новой поведенческой стратегии: главное не в силе, а в правильной топологической конфигурации, архитектуре, резонансном воздействии на сложную среду».

Не только Т. Григорьева, но и другие авторы, Ф. Капра [16], И.Р. Пригожин [12], указывают на сближение современного научного мировоззрения, основанного на синергетической парадигме, с восточным мировидением.

В мире также накапливается опыт по использованию синергетики в образовании. При синергетическом подходе роль преподавателя состоит не в распространении знаний и оценке правильности суждений, а в наблюдении за ходом рассуждений и переключении процесса обучения с одного уровня на другой. В результате понимание становится более глубоким, разносторонним, стимулы к обучению в большей степени создает энергетика группы, а не усердие преподавателя. Пытаясь раскрепостить творческие способности человека, синергетический подход к образованию стремится не искоренить хаос, а отыскать то его соотношение между порядком и беспорядком, которое было бы наиболее плодотворным.

Синергетика и язык – область гуманитарного освоения синергетики. Есть надежда, что синергетика будет способствовать формированию нового языка природы. По гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа [17] каждый язык несет в себе свою собственную онтологию. Механический образ природы подчинил себе и дискурс в естествознании. Механический образ природы диктовал и свой язык: субъект, объект, наблюдатель, наблюдаемое, сила, тело, масса... В рамках синергетического видения, в рамках новой онтологии будет складываться и новый язык науки, что уже и происходит.

Значимость синергетики заключается, прежде всего, в том, что впервые в рамках научного подхода появилась возможность понять мир как целое, понять, как осуществляется переход от неживого к живому. Синергетика, на наш взгляд, служит сегодня самым сильным научным аргументом в пользу холистического мировидения, выявляя универсализм в процессах самоорганизации. Кроме того, в контексте синергетической парадигмы мир, в котором мы живем, приобретает совершенно новую размерность. Не всегда можно быть уверенным в том, что произойдет завтра, многие процессы в этом мире находятся в состоянии неустойчивого равновесия, на-

пример экологическая система на современном этапе истории. Синергетика – это теория катастрофических процессов, она нацелена на описание катастрофического мира.

Здесь начинает формироваться новая стратегия управления катастрофическими процессами: управлять, не управляя. Суть новой стратегии управления в ориентации не на внешнее, а на внутреннее, на то, что присуще самой среде, на собственные законы эволюции и самоорганизации системы как целого.

В традиционном подходе описание системы строго детерминировано. В синергетическом подходе и детерминизм, и случайность как бы уравниваются в своих правах: в традиционном подходе все процессы выходят на некий устойчивый режим, синергетика же акцентирует свое внимание на областях потери устойчивости, около неустойчивых точек, в окрестностях фазового перехода. Это ее специфическая черта. Отмечается, что синергетика обеспечивает переход к коммуникативной парадигме. Отсюда особый интерес к личностному знанию в науке. Коммуникативная ориентированность на межличностное взаимодействие привносит субъективный компонент в содержание знания, при этом не отрицается объективность как целостность. Личностная позиция – это не субъективизм, а высоко мотивированная позиция ученого, включающая в себя такой параметр порядка, как мировоззренческие убеждения. Многоаспектность синергетики не столько следствие ее теоретической незавершенности, сколько отражение внутренней сути. Суть в том, что «синергетическое мышление – это мультипарадигмальное мышление, это коммуникативное мышление».

Синергетика предполагает открытую коммуникативно- ориентированную личность. В отличие от классического подхода, где субъект исключается из мира, а мир предстает как некая внешняя реальность, преданная субъекту, который посредством своих познавательных способностей может эту реальность постигать, изменять, «двигаться в ней», синергетика предполагает, что субъект входит в познаваемую им систему как составляющая этой системы. В синергетической трактовке мир оказывается одним из конституируемых аспектов бытия так же, как и Я субъекта. Ведущее познавательное отношение постнеклассической науки, а значит, и синергетики – это отношение «Я – Другой». Синергетический дискурс не ориентирован на выявление законов, а направлен на конструктивный диалог, на создание интерпретаций. Более того, в си-

нергетической парадигме не существует предуготовленных истин, смыслы формируются в диалоге, на пересечении, нет объективных законов, которые наука как бы открывает.

В этой связи В.И. Аршинов [18] предлагает заменить образ познавательной парадигмы, который соответствовал классическому подходу и был представлен широко известным метафорическим образом познания как приближение к истине – «раздевание капусты», на метафорический образ «лука», поскольку новая синергетическая парадигма имеет более горький вкус. Это обусловлено не только крушением надежд на обретение полноты и ясности, но и осознанием новых горизонтов, открывшихся в прагматической теории истины философии и в синергетической парадигме науки. Здесь, в противоположность объективной концепции, истина раскрывается как выстраданная в человеческой истории, как ценность. Она открывается не бесстрастному служаке – субъекту, а ответственной личности.

Итак, в настоящее время синергетика получила развитие в различных отраслях науки и техники, существует большое количество публикаций по теоретическим разработкам синергетики в области физики, биологии, медицины, экономики, философии, психологии, лингвистики. Получила обоснование новая ветвь – синергетика социальных процессов. В.П. Бранский ввел термин «социальная синергетика», которая «...исследует общие закономерности социальной самоорганизации, т.е. взаимоотношений социального порядка и социального хаоса» [19, с. 117]. В литературе утвердились термины «синергетический подход», «синергетическое мышление». Как отметил В.Э. Войцехович, «синергетично мыслит тот... кто мыслит коммуникативно, с помощью мягких мыслеформ, соблюдая промежуточное колебательное положение – процесс МЕЖДУ, кто погружен в синергетическую культуру становления, но помнит, что «все в одном» [20, с. 154].

Проанализируем возможности использования синергетики в гуманитарных науках, в частности в науках о языке. Синергетика претендует на междисциплинарный статус, аргументируя это тем, что процессы самоорганизации характерны для различных сложных систем, независимо от их природы. Г. Хакен пишет: «…мы попытались справиться с разнообразием сложных систем, сосредоточив внимание на одной, весьма общей их особенности, а именно на способности сложных систем при определенных условиях каче-

ственно изменять свое макроскопическое состояние» [3, с. 231]. Это повлекло за собой необычайно широкое распространение идей синергетики по всей сфере научного знания. Однако допущение, что синергетические принципы, изначально отражающие исследования в сфере строгого естественно-научного знания, могут применяться к сфере социогуманитарного, пока остаётся спорным. В статье «Синергетика как мост между естественными и социальными науками» Г. Хакен отмечает: «Предпринимается ряд попыток навести мосты между различными науками. Синергетику можно рассматривать как один из таких мостов» [21, с. 106]. Автор концентрирует внимание на том, что «синергетика фиксируется на открытых системах, функционирование или организация которых поддерживается более или менее непрерывным потоком энергии и/или вещества в систему» [21, с. 107]. Данный класс систем, в которых существуют кооперации, организованные самой системой, а не навязанные извне, и есть самоорганизующиеся системы. На основе этого довольно общего определения самоорганизующихся систем многие исследователи делают вывод о том, что идеи синергетики могут быть использованы и для социогуманитарных наук.

Для более полного представления о стремлении синергетики расширить применение своих идей не только на сферу естественных наук, но и на сферу гуманитарных рассмотрим статью В.П. Бранского «Теоретические основания социальной синергетики» [22].

Под предметом социальной синергетики Бранский понимает исследование взаимодействия между социальным порядком и хаосом. Человек как постоянно развивающееся существо представляет собой, по Бранскому, диссипативную систему. Идея об усложняющихся формах синтеза порядка и хаоса получает свое дальнейшее развитие в идее о том, что множество таких диссипативных систем (людей) становится сообществом, т.е. диссипативной системой более высокой степени. Множество сообществ образует общество. В итоге формируется иерархическая диссипативная структура, совпадающая в конечном счете с государством (в достаточно развитых обществах). На основе формирования новых закономерностей В.П. Бранский предлагает создать новую дисциплину: «…социальная синергетика предстает перед нами как новая научная дисциплина, которую с таким же успехом можно было бы назвать *синергетической культурологией,* а возможно, и *синергетической социологией»* [22, с. 127].

Сам Хакен в другой статье под названием «Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке?» [2] пишет о том, что примером такого применения может быть общество и одним из параметров порядка, с помощью которого оно может быть описано, является язык.

Общество – сложная система, состоящая из множества элементов: индивидов, которые обмениваются с внешней средой энергией, веществом или информацией. Это происходит благодаря наличию одного из основных параметров порядка – языка. В терминологии синергетики индивид с рождения подчиняется ему и затем несет его в себе далее, когда вырастает. Хакен видит здесь эффект круговой причинной связи: «Язык порабощает человека, а индивидуум несет язык в себе, можно даже сказать, что сотрудничество людей делает дальнейшее существование языка возможным» [2, с. 18].

Другим признаком параметра порядка для языка является конкуренция между языками и местными наречиями. Например, в современной Испании конкурируют официальный испанский и баскский (местная разновидность испанского языка) языки. Аналогичная ситуация происходит в Украине. Хакен сообщает, что детальное изучение некоторых языков (типа высокого языка и диалектов) методами синергетики проводилось группой ученых под его руководством. Идеи синергетики также могут быть использованы для того, чтобы исследовать, как появились языки и чем обусловлено их разнообразие.

В качестве примеров других параметров порядка для общества Хакен приводит государство, культуру, законы, ритуалы, национальный характер и др. После этого Хакен обращается к идее, что зрительное распознавание образа может служить прообразом для понимания человеческих когнитивных способностей. Это допущение позволяет автору провести аналогии между распознаванием образа и принятием решения в рамках синергетической теории. Человеческий мозг при принятии решений опирается на множество параметров, даже в простейших ситуациях. Пытаясь описать процесс принятия решения, Хакен описывает процесс выбора пути системы в точке бифуркации. По утверждению Хакена, такие расчеты можно произвести: «Это выявление аналогии между механизмами распознавания образа и принятия решения может быть выполнено не только на качественном уровне, но также количественно, на уровне компьютерных алгоритмов по аналогии с синергетическим компью-

тером» [2, с. 25]. Таким образом, синергетика в работах Хакена предстает как междисциплинарное научное направление.

Завершая характеристику синергетической парадигмы, хотелось бы отметить, что становление синергетики продолжается. До сих пор нет единого мнения по поводу статуса синергетики, ее роли в системе научного знания. Ее оценивают и как картину мира, и как язык современной науки, и как научную парадигму, и как отдельную научную дисциплину. Может быть, статус синергетики до сих пор не обозначен в связи с тем, что однозначное определение места синергетики в сложившейся системе знания невозможно. Она попросту не укладывается в «прокрустово ложе» дисциплинарно организованного знания, в привычное деление на научное, ненаучное, метафизическое и пр. Осуществляя преемственность в развитии междисциплинарного знания – информатики, кибернетики, общей теории систем и т.д., синергетика в то же время представляет собой новое явление в науке, которое само по себе весьма симптоматично и заставляет задуматься о том, что дисциплинарная структура научного знания, к которой мы привыкли, в данном случае просто непригодна.

Синергетику вполне можно квалифицировать и как новую науку, в основу которой положена идея недуальной модели мира и нелинейного мышления. Мировоззренческая значимость синергетики заключается, прежде всего, в том, что синергетика дает возможность увидеть мир по-другому, это путь, на котором формируется холистическое мировидение, когда становится понятным, что мир устроен так, что он допускает сложное, в мире могут происходить процессы самоорганизации нового порядка и новых сложностей. Синергетическое видение мира – это не только признание самоактивности бытия, но и единства всех происходящих процессов, включая социальные, мыслительные и этические.

1.2. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система

Методики преподавания языка обусловлены нашим пониманием природы языка. Выбор методики обучения согласуется с теоретической моделью языка. Если исходной моделью является семиотическая, в которой язык предстает как знаковая система, то и методики обучения языку соответствуют этой модели. Если язык по-

нимать и рассматривать в ином аспекте, тоже присущем языку как явлению, этот аспект можно обозначить как естественно-исторический, в котором язык предстает как саморазвивающаяся коммуникативная система, как культурный феномен и одновременно естественный процесс, то методика преподавания языка будет строиться на иных основаниях.

Целью нашего исследования является развитие методики преподавания иностранных языков с учетом современных философских и научных наработок, обогащающих языковую модель. Можно утверждать, что сегодня наука о языке приобретает междисциплинарный характер, происходит взаимодействие лингвистики, семиотики, философии языка (лингвистический поворот в философии), синергетики языка, психолингвистики, социолингвистики и т.д. В этом диалоге формируется новое понимание природы языка. Основываясь на этой междисциплинарной модели, концептуальный каркас которой обозначается в нашем исследовании, высказываются предположения о возможности применения этих новых обобщений в методике преподавания иностранных языков. Целью работы является также прояснение проблемы языкового моделирования внеязыковой действительности. Обсуждение этой теоретической проблемы основано на проецировании в область языка (синергетическое движение в языке) сложных взаимодействий, описываемых междисциплинарными научными моделями.

Язык рассматривается как самоорганизующаяся, коммуникативная система, развитие которой подобно развитию живого организма. Недостаточно изучать язык как замкнутую систему значений. Для более глубокого понимания природы языка необходимо включать в рассмотрение не только семиотические параметры, но и онтологические, коммуникативные, социокультурные. Рассматривая язык как саморазвивающуюся систему, следует учитывать как лингвистические правила, так и общие эволюционные законы, которым подчиняется в своем развитии любая система. Например, универсальным законом эволюции считают закон Геккеля, согласно которому в онтогенезе повторяется филогенез, в генезисе и развитии индивида воспроизводится история вида. Хотя в авторской формулировке это биологический закон, его смысл общенаучный. Этот закон характеризует повторяемость в генезисе элементов системы истории системы как целостности. Поэтому, чтобы обучение языку было более успешным, целесообразно опираться на знание

закономерностей развития языка, уметь моделировать коммуникативные процессы в ходе освоения иностранных языков.

Используемый в нашем исследовании синергетический подход к языку как самоорганизующейся системе способен внести, как будет показано, вклад в развитие теории лингвистики и в методику преподавания иностранного языка. Необходимо знать саму природу языка. В последние годы возросли поиски концепций образования на основе системного, синергетического, ноосферного (биоадекватного) подходов. Эти образовательные стратегии находят свое выражение и в создании новых институтов образования, центров междисциплинарных исследований, где, как пишет признанный международный авторитет в разработке системного метода и принципов познания сложного Э. Морен, осуществляется поиск новых образовательных технологий, новых методик, нового стиля мышления [23]. Наша работа выполнена также в русле поисков метода познания языка как сложной саморазвивающейся системы и обучения иностранному языку с учетом знания законов естественной истории языка.

Разрабатываются новые технологии образования и создаются на основе этих технологий инновационные подходы, например биоадекватные учебники обучения иностранным языкам. О биоадекватной методике преподавания иностранных языков, основанной на образном восприятии и образном мышлении, пишут И.А. Балюк [24], Н.В. Маслова [25] и др.

Безусловно, обучение языку происходит по какой-то определенной выбранной модели. Так, Джей Форрестер в своей книге «Мировая динамика» дает описание предложенной им мировой модели. Человек всегда действует, как считает Форрестер, на основе моделей, имеющихся в его распоряжении. Мыслительные образы – это тоже модели. В настоящее время также широко используются такие мыслительные модели в качестве основы для действий. «Каждый человек, который предлагает политику, закон или последовательность действий, делает это на основе модели, к которой он в данный момент питает наибольшее доверие» [26, с. 72].

Так, многие крупные ученые делали свои открытия, обращаясь к образам, поскольку образ играет большую роль в деятельности ученого. Например, А. Эйнштейн следовал образу: «Природа человека такова, что он всегда стремится составить для себя простой и необремененный излишествами образ окружающего его мира.

Именно это делает поэт и художник, и философ, и естествоиспытатель, причем каждый по-своему» [27, с. 53].

Характеризуя творческую манеру М. Бора, коллеги утверждают, что образные представления были постоянными спутниками в его исканиях. Л. Инфельд пишет так: «М. Бор на самом деле видел атом, он мыслил образами, которые неустанно проходили перед его глазами... Сила Бора не в математическом анализе, а в удивительной мощи фантазии, видящей физическую реальность конкретно, образно...» [28, с. 13].

В качестве языка рассуждений могут быть не только зрительные образы, но и слуховые. 90% всей информации поступает человеку извне через органы зрения, меньший процент доставляется другими органами чувств (слух, осязание). Известны факты использования музыкальных образов: так, И. Кеплер в движении небесных тел улавливал гармоничное звучание небесных сфер.

Норберт Винер и Джон фон Нейманн оказали громадное влияние на последующее развитие системных концепций ментальных явлений. Оба доверяли своей интуиции. Подобно многим поэтам и художникам, они имели привычку перед сном класть карандаш и бумагу у изголовья и использовать образы сновидений в своей работе.

Говоря об образе, следует подчеркнуть, что к проблеме образа привлечено внимание многих ученых. Одним из крупнейших ученых является итальянский профессор Антонио Менегетти [29], президент Международной ассоциации онтопсихологии, руководитель научных исследований в области психологии, кибернетики, ядерной физики и др. Его книга «Словарь образов» (практическое руководство по имагогике) – фундаментальный базисный труд по онтопсихологии. Она служит начальной отправной точкой познания и понимания нового перспективного направления в психологической науке. А. Менегетти рассматривает образ сквозь призму психоаналитических вариаций в контексте глубинных психологических процессов, происходящих в человеке.

Автор анализирует человека как субъекта жизни и выделяет два способа существования и, соответственно, два типа отношений к жизни. Первый способ – это жизнь, не выходящая за пределы связей, в которых живет человек, где каждые его отношения – это отношения к отдельным увлечениям, а не к жизни в целом. При таком отношении человек не способен осмыслить весь свой жизнен-

ный путь как единое целое... Второй способ существования человека связан с активным развитием рефлексии – это путь построения нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе с поисками ответов на вопросы: кто я такой? как я живу? зачем я делаю это? куда мне следует двигаться дальше? что я хочу от жизни и от себя? и т.д. В этом случае, заключает автор, человек является творцом своей собственной жизни и жизни общества, к которому он себя относит.

Занимаясь онтопсихологией, профессор А. Менегетти сумел разработать свой собственный оригинальный метод имагогики, вобрав в него все, что было сделано до него предшественниками в этой области. «Имагогика – это метод приведения в движение образов бессознательного и выведения их на сознательный уровень... Имагогический анализ позволяет каждому человеку открыть самого себя и вернуть для себя тот центр природной мудрости, который заложен в каждом человеке как подарок биологического закона» [29, с. 8].

А. Менегетти считает, что образы, создаваемые художниками, режиссерами, театральными постановщиками и т.д., – это зеркало бессознательного автора, его индивидуальных проблем и комплексов, т.е. это отображение того, что он сам представляет собой в жизни. По Менегетти, образы сновидений – это психологический язык бессознательного. «Если я хочу познать человека, то меня интересует не столько его речь, мировоззрение, на что обычно обращают внимание все науки, сколько то, что открывает язык его бессознательного. Сон – это формализация того, что требуется субъекту, объективная правда его жизни» [29, с. 25].

По Менегетти, образ – не голый продукт эмоционального, а синтез эмоционального и рационального, субъектно-личностного и объективно-содержательного. Следовательно, образ, будучи связанным со сферой идей, вместе с тем, в отличие от собственно понятийного содержания, лишенного чувственности, владеет, располагая в силу этого преимуществом перед вербализованными формами, экспрессией знаний.

Образы запечатлевают вещи как они есть, в своей первородной данности, так сказать, «одни к одному», где ничего не убавлено и не прибавлено. Другое дело, что образ не очерчивается одной лишь адекватностью, а несет с собой некое рациональное начало, сопер-

ничая с понятийным языком, начисто лишенным чувственности и потому неадекватным [29, с. 39].

Большое преимущество образа также в том, что он предъявляет целостную картину явления. Понятийное описание – линейно, аналитично, и ему не дано представить предмет сразу в совокупности его характеристик, т.е. можно обозреть лишь последовательностью фиксаций, неодномоментно, как это способен явить образ.

Образное видение сопряжено с синергетической моделью движения в языке, обоснование которой попытаемся дать, используя наработки современных теоретиков в области лингвистики. Так, Стивен Пинкер [30] отмечает, что различные языки заставляют своих носителей по-разному конструировать реальность. Он считает, что дети учатся говорить в соответствии с ролевыми моделями и образцами. Крупный ученый-лингвист, доктор филологических наук, профессор М.М. Маковский эпиграфом к своей работе «Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов» взял стихи Николая Гумилёва, в которых слово отражает суть сердца лингвистического явления:

Солнце останавливали Словом,
Словом разрушали города [31, с. 7].

Действительно, язык и слово, «апофеоз человеческой культуры», издревле привлекали к себе пристальное внимание людей: они пытались разобраться в сущности, понять те скрытые механизмы, которые регулируют жизнь и смерть языка и отдельных слов, определенный выбор и распределение его элементов, и особенно разгадать основную «загадку» языка – на основании каких закономерностей данное слово, состоящее из определенного выбора определенных звуков, расположенных в определенном соотношении друг к другу в пространстве, находящихся в определенном «соседстве» друг с другом, «пропускает» только определенный участок семантического спектра, т.е. именно данные, а не другие значения; с другой стороны, почему те или иные значения могут «одухотворять» только данное, а не другое «тело» слова? На этот вопрос ответа нет и поныне [31]. М.М. Маковский справедливо считает, что чем больше человек узнает о языке, тем больше замечательных открытий делают лингвисты, социологи, антропологи, этнографы, тем больше, как это ни парадоксально, возникает новых сложнейших вопросов, а иногда и ставится под сомнение то, что до определенного времени считалось бесспорным. «В языке нет ничего прямо-

линейного, раз и навсегда данного: язык – это и система, и антисистема, это – саморегулирующее, самопорождающее и самодостаточное явление, но вместе с тем и социальное явление, отражающее быт и нравы его носителей» [31, с. 9].

М.М. Маковский подчеркивает ритуальное происхождение языка. Он считает, что именно ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого с означающим, что выражено в звуках. Ритуал во многом предопределяет язык. «Ритуальная деятельность явилась основой появления образного типа мышления» [31, с. 9].

Задолго до ритуальной деятельности господствовала знаковая коммуникация, которая представляла собой дочеловеческий аналог языка. Карл Бюлер, известный немецкий психолог и лингвист, убедительно обосновывает эту мысль, делая сравнительный анализ книги Уиллера «Общественная жизнь насекомых» и работы К. фон Фригла «Язык пчёл». В центре внимания первой книги стоит материальная коммуникация, продемонстрирована взаимная помощь в кормлении, в центре внимания второй – знаковая коммуникация [32].

К. Бюлер приходит к выводу, что высокоорганизованная материальная коммуникация между членами жизненного сообщества животных была бы вообще невозможна без знаковой коммуникации [32]. Далее он рассуждает о знаковой коммуникации, которая осуществляется между людьми и другом дома – собакой. Встает вопрос: язык ли это? Он доказывает, что психофизическая система собаки воспринимает не весь человеческий язык, да и звуки, издаваемые ею, ни в коей мере не эквивалентны языку, хотя эта форма коммуникации относится к самым высшим и дифференцированным формам коммуникации, доступным животным.

Автор отмечает, что высказанная Платоном в диалоге «Кратил» мысль о том, что язык есть organum, служащий для того, чтобы один человек мог сообщить другому нечто о вещи (Ding), удачно схватывает суть дела. И, действительно, феномен речи занимает значительное место в жизни людей. «Даже одинокого путника в пустыне и грезящего во сне он не покидает полностью...» [32, с. 30]. Коммуникативная модель языка позволяет развить мысль о том, что этот феномен (язык – речь, коммуникация) сопровождает не только размышляющего в одиночестве и действующего молча, он

постоянно возникает и в ходе взаимодействия между Я и Ты или в объединении Мы. Язык детерминируется средой, в которой нам открываются внешние и внутренние миры [32, с. 30].

В коммуникативной модели языка особая роль принадлежит среде. Так, Э. Сепир, крупный ученый в области лингвистической теории, этнологии и истории культуры, в своей статье «Язык и среда» (1922) описал влияние среды обитания на язык. Он отмечает в своем исследовании влияние среды на содержательную сторону языка, в основном на лексику. В то же время в последней статье «Речь как черта личности» (1927) он пытается показать, в какой мере и в какой форме специфическая неповторимость личности выражается в языке [17].

Э. Сепир разделяет социальный аспект языка на два слоя – языковой (разделяемый всем сообществом говорящих на данном языке людей) и групповой (характеризующий некоторую однородную социальную группу). С позиций этой классификации Сепир проводит анализ вариативности таких элементов языковой формы, как голос, голосовая динамика (включающая интонацию, ритм, плавность речи, темп), произношение звуков, лексика и стиль [17].

Сепир одним из первых указал на то, что человек с детства подготовлен к усвоению языка. Даже во внутриутробном состоянии его эволюция способствует развитию языковой способности так же, как умению ходить. Этому дается биологическое объяснение. Иная картина с развитием речевой способности. Поскольку становление человека происходит не только в природе, но и в обществе (социализация), общество не может не приобщить индивида к своим традициям. «Устраните общество, и все основания будут за то, что он научится ходить, если только выживет, но равным образом несомненно и то, что он никогда не научится говорить, т.е. сообщать свои мысли согласно традиционной системе определенного общества» [17, с. 28]. Сепир отмечает, что если удалить новорожденного из социального окружения, в котором он появился на свет, и перенести его в совершенно иную среду, то он и в своем новом окружении овладеет искусством ходить примерно так же, как и в старом окружении. Однако речь его будет резко отличаться от речи его родной среды, поскольку язык есть чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления.

Любое слово не есть акустический акт, оно ассоциируется с каким-то образом. Так, дом в России и дом (house) в Великобритании

будут представлять различный тип дома, т.е. различный образ, поскольку эти два понятия-образа отличаются друг от друга, хотя в настоящее время разница между ними стирается. Даже в Сибири работают английские фирмы, которые строят дома по модели английского дома. Безусловно, такое проникновение в российский социум английской культуры повлечет за собой развитие иного понятийного аппарата другой культуры. Будут вырабатываться ассоциативные связи с образами другой культуры, и с течением времени эта связь сделается автоматической, как и другие ассоциации, связанные с тем либо иным образом. По мере накопления опыта «этот дом», «тот дом» и другие дома будут признаваться не только как различные. Они имеют много общего, несмотря на множество различий в деталях, их можно будет классифицировать под одинаковыми обозначением «дом», т.е. это будет символ, способный охватывать тысячи явлений опыта.

Следует подчеркнуть, что в наши дни другие языки Великобритании и особенно кельтские проявляют тенденцию к маргинализации. Приведем пример, как герой Джеймса Джойса описывает беседу с учителем-англичанином в школе в Ирландии в книге «Портрет художника в молодые годы»: «Язык, на котором мы говорим, является, прежде всего, его языком, а потом уж моим. Как различны слова «дом», «Христос», «эль», «хозяин», произносимые им и мной! Я не могу говорить или писать эти слова, не испытывая духовного трепета. Его язык, столь знакомый и столь чужой, всегда будет для меня приобретенной речью. Я не составил этих слов и не принял их. Они всегда будут чужды моему голосу. Моя душа хоронится в тени этого языка» [33, p. 172]. Высказывание этого героя – иллюстрация, подтверждающая идею о языке как саморазвивающейся коммуникативной системе.

Развитие этой модели языка особенно интенсивно обеспечивается системным подходом, развиваемым в современной науке. Один из ярких сторонников системного мышления Ф. Капра [16] в своей книге «Паутина жизни» отмечает, что наши лингвистические различения не изолированы, но существуют в сети структурных сопряжений, которую мы непрерывно сплетаем через оязычивание. Значение возникает как паттерн взаимоотношений между этими лингвистическими различениями, таким образом, мы существуем на семантической территории, созданной нашим оязычиванием. Самосознание возникает, когда мы используем представление об

объекте и связанные с ним абстрактные понятия для описания самих себя. Таким образом, лингвистическая территория человека простирается дальше, включая рефлексию и сознание. Уникальность человеческого бытия заключается в нашей способности непрерывно создавать лингвистическую сеть, в которую вплетены и мы сами. Быть человеком, отмечает Ф. Капра, – значит существовать в языке.

Действительно, человеческий мир зиждется на нашем внутреннем мире самосознания, абстрактных мыслей, понятий, символов, ментальных отображений. Быть человеком – значит обладать рефлексивным сознанием. Узнавая, как мы познаем, мы творим себя. В ходе беседы наш внутренний мир понятий и идей, наши эмоции и телесные движения вступают в тесную взаимосвязь, формируя сложную хореографию поведенческой координации.

Анализ видеозаписей, сделанный под руководством Ф. Капры, показал, что каждая беседа включает утонченный танец, в котором последовательность речевых паттернов (образцов) синхронизируется не только с мельчайшими телесными движениями говорящего, но и соответствующими движениями слушателя. Оба партнера включены в эту синхронизированную последовательность ритмических движений, и лингвистическая координация их взаимообусловленных действий длится до тех пор, пока поддерживается беседа.

Эволюционно-синергетический подход к языку развивают ученые, удостоенные Нобелевской премии, У. Матурана и Ф. Варела [15]. Они анализируют биологические корни языка и мышления. Через язык мы координируем наше поведение, через язык мы вместе творим мир. Авторы также отмечают особую роль коммуникативной среды: тот мир, который каждый из нас видит, не есть определенный мир, но некий мир, который мы созидаем вместе с другими людьми. Поскольку язык – это сложная саморазвивающаяся система, в которой каждый коммуникационный акт качественно обогащает ее, придавая ей новый смыслообразующий характер, необходимо мыслить системно, концентрируя свой концептуальный фокус на взаимоотношениях, на коммуникации, обращаясь к естественной окружающей среде.

Раскрывая механизмы самоорганизации в языке, современные ученые иногда определяют этот процесс как синергетическое движение в языке. Задача преподавателя – раскрыть для учащихся

язык как сложную сетевую структуру и тем самым облегчить понимание учащимися языковой картины мира в процессе обучения, изначально вводя их в естественный динамический процесс развития языка.

По Сепиру, единичные значащие элементы речи являются символами значений, а реальный поток речи можно рассматривать как фиксацию этих значений в их взаимной связи. «Появление мыслительных процессов как особого рода психической деятельности относится почти к самому началу развития речи. Что же касается самого значения, то оно, раз возникнув, неизбежно воздействовало на жизнь своего языкового символа, способствуя дальнейшему росту языка. Этот сложный процесс взаимодействия языка и мышления мы со всей наглядностью наблюдаем и теперь» [17, с. 38]. Сепир стремился перейти в анализе языка от историко-описательных построений к использованию методов точных наук, дать систематическое описание языка, подобное математическому. Особое значение для Сепира имели семиологические теории де Соссюра.

Сепир исходил из общей теории языка при получении результатов применения структурных методов к анализу индейских языков, что привело его к пониманию исключительной важности языка в социализации человека и построению гипотезы о решающей роли языка в формировании индивидуальных представлений об окружающем мире, лингвистической детерминированности понимания явлений реальности**.**

Сепиром было доказано, что наименования предметов, явлений, событий, существующих в языке, сохраняют устойчивость в культуре, оказывают решающее воздействие на сам процесс формирования человеческих представлений об этих явлениях и событиях и их оценку. Эта теория, развитая последователем Сепира Бенджамином Ли Уорфом (1897–1941), получила название концепции лингвистической относительности или «гипотезы Сепира – Уорфа» и легла в основу так называемой этнолингвистики.

Не менее интерестен взгляд на язык Стивена Пинкера, одного из выдающихся лингвистов современности, изложенный в его книге «Язык как инстинкт» [30]. В этой книге ставится, как представляется, последняя точка в споре между сторонниками концепции Сепира – Уорфа, убежденными, что именно родной язык формирует языковую картину мира, и сторонниками взглядов Н. Хомского,

утверждающими, что существует особый язык мысли, универсальный для всех [34].

С. Пинкер делает акцент на активности среды как специального генератора языка, такой механизм С. Пинкер называет «языковым инстинктом». Языковой инстинкт, по мысли автора, сродни инстинкту паука ткать паутину, или, другими словами, инстинкт создания языковой среды. Языковая среда (так же, как и языковой инстинкт) не может быть чисто языковой. Язык не умеет существовать сам по себе в безвоздушном пространстве. Воздух для этого феномена – пространство коммуникаций. Homo sapiens – такой же биологический вид, как сине-зеленые водоросли или земляные черви, смог совершить значительные изменения на нашей планете не в силу своей уникальности, а в силу уникальной способности коммуницировать, используя информацию.

Язык накрепко связан со всем опытом человечества, без которого вряд ли можно себе представить жизнь. С. Пинкер, как и Сепир, отмечает, что когда не с кем говорить, люди говорят сами с собой, со своей собакой, даже с растениями. По мнению ученого, язык – не культурный артефакт, который мы усваиваем так же, как учимся определять время, или узнаем, как работает федеральное правительство, а естественный процесс. В действительности, это определенная часть биологического устройства нашего мозга. Язык – это сложное, особое мастерство, которое в детях развивается спонтанно, безо всяких сознательных усилий или формальных инструкций, оно развивается без понимания его внутренней логики. По этим причинам некоторые ученые, исследующие познавательные процессы, описывали язык как психологическую способность, ментальный орган, нейросистему или вычислительный модуль. Но С. Пинкер предпочитает несколько непривычный термин «инстинкт».

По Пинкеру, этот термин выражает ту идею, что люди знают, как говорить, примерно в том же смысле, в каком пауки знают, как плести паутину. Плетение паутины не было изобретено неким гениальным пауком и не зависит от наличия у паука специального образования или склонности к архитектуре или конструкторскому делу. Иначе говоря, пауки плетут паутину, потому что обладают паучьими мозгами, которые побуждают их плести и делать это правильно. Хотя между словами и паутиной существуют различия, автор призывает посмотреть на язык именно с таких позиций, что-

бы уловить суть явления. Эти идеи иллюстрируются примером с перелетными птицами, которые выверяют свой путь на протяжении тысяч миль по положению звезд в зависимости от времени года и суток. Автор отмечает, что среди такого парада талантов мы – просто разновидность приматов, умеющая передавать друг другу информацию о том, кто кому что сделал, с помощью звуков, которые мы производим, выдыхая. Он предлагает рассматривать язык не как неописуемую сущность человеческой уникальности, а как биологическое приспособление для передачи информации.

С. Пинкер обращает внимание на тот факт, что концепция языка как особого рода инстинкта была впервые сформулирована самим Дарвином в 1871 году. С. Пинкер, ссылаясь на одного из последователей Дарвина Уильяма Джеймса, заметил, что обладатель инстинкта вовсе не должен действовать как «абсолютный автомат». Он утверждает, что нам присущи все те же инстинкты, что и животным, и многие другие; гибкость нашего разума происходит из взаимодействия множества соревнующихся между собой инстинктов. На самом деле именно инстинктивная природа человеческого мышления мешает нам замечать, что это и есть инстинкт. «Мы так же не осознаем функционирование языка, как муха не обдумывает откладывания яиц» [30, с. 13]. По Пинкеру, наши мысли так легко передаются нашими устами, ускользая из-под контроля сознания. Когда мы понимаем предложение, поток слов прозрачен, и мы автоматически схватываем значения. «Но легкость, прозрачность, автоматизм – все это только иллюзии, скрывающие сложную, красивую и богатую систему» [30, с. 14].

С. Пинкер задает вопрос: почему мы не изучаем возникновение такой познавательной структуры, как язык, более или менее таким же образом, как мы изучаем сложный орган тела? Он доказывает, что индивидуумы в речевом сообществе формируют в сущности один и тот же язык. Он, ссылаясь на Н. Хомского, объясняет этот факт на основании предположения, что эти индивидуумы используют четко ограниченные принципы, управляющие построением грамматики. И здесь же задает вопрос о том, почему мы вообще должны верить, что человеческий язык – это часть человеческой биологии – инстинкт? В качестве доказательства своей гипотезы автор приводит интересный случай, который произошел в 60-е годы XX столетия на острове Новая Гвинея, втором по величине острове планеты. Там было обнаружено около миллиона обитателей

каменного века, отрезанных от остального мира в течение сорока тысяч лет. Язык, на котором говорили горцы, был не лепетом, а средством, позволяющим выражать абстрактные идеи и сложные цепочки рассуждений.

С. Пинкер приходит к выводу, что язык – это особый инстинкт, а не хитроумное решение проблемы, придуманное мыслящим биологическим видом. «Если язык – это инстинкт, он должен быть связан с функционированием определенного участка мозга, и, возможно, должны существовать даже специальные гены, обеспечивающие его правильное расположение. Разрушьте эти гены или нейроны – и пострадает язык. Язык, по мнению автора, не просто порождение культуры, но продукт эволюции и в этом смысле инстинкт, природа» [30, с. 13]. Сложность продуктов культуры сильно варьируется от общества к обществу, например, одни считают, делая зарубки на деревьях или костях, и готовят на огне, добытом от трения двух деревяшек, другие используют компьютеры и микроволновые печи. Язык, однако, разрушает такие соотношения, поскольку существует общество каменного века, но не существует языка каменного века. Заблуждение считать Стандартный английский языком, а его вариации – диалектами, как если бы между ними были существенные различия. В действительности же язык нельзя рассматривать вне культуры. По мнению этнолога К. Леви-Стросса, «оригинальность каждой из культур заключается, прежде всего, в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах» [35, с. 72].

Далее С. Пинкер подчеркивает тот факт, что лингвисты постоянно сталкиваются с мифом о том, что не только язык туземцев, но и язык представителей рабочего класса или менее образованных слоев среднего класса является очень упрощенным и слишком грубым. Пинкер опровергает такую точку зрения. В знак доказательства он сравнивает Стандартный американский английский (Standard American English) и разговорный английский (афро-американский) (Black English Vernacular) и приходит к выводу, что в этих языках много общего. Он доказывает, что двойное отрицание, так часто встречающееся в разговорном английском афро-американцев, можно также встретить и в других языках, например французском (me… pas).

Можно также встретить вспомогательный глагол перед подлежащим и в неповествовательных предложениях. С. Пинкер объясняет это тем, что сам тип предложений, допускающих такую инверсию, отличается от Стандартного американского английского. Он также иллюстрирует примерами тот факт, что английский язык афро-американцев является более точным, чем Стандартный американский английский. Так, для разговорного английского афро-американцев (Black English) характерно использование полных форм вспомогательных глаголов (I have seen), в то время как для носителей Стандартного американского английского (Standard American English) характерно сокращение (I've s'een). Еще один пример: He be working означает в афро-американском английском, что человек работает вообще либо что у него есть постоянная работа. He working означает, что человек работает в данное время. В Стандартном же американском английском He is working не может обозначать такую тонкую разницу. Иллюстрируя многие другие примеры, С. Пинкер приходит к заключению, что афро-американский английский имеет полное право быть самостоятельным языком, поскольку он обладает большей вариативностью по сравнению со Стандартным американским языком. В следующем разделе «Этнокультурные коммуникации как языковая среда» эта тема будет продолжена путем анализа Стандартного британского языка (Standard British English) и других языков Великобритании.

1.3. Этнокультурные коммуникации как языковая среда

Историки, социологи и антропологи обнаружили, что именно через язык происходит самоидентификация этнических групп. Язык не только основной передатчик символов, идей и верований, которые являются значимыми для этнической группы, язык сам по себе является ценным и нуждается в защите и сохранении как основной показатель этнической идентичности. Так, обследование, проведенное в ряде школ Лондона в 1980 году, показало, что только 15% учащихся говорили на том языке, который их учителя считали стандартным, или «правильным», английским. Остальные говорили на 20 разных вариантах английского, от языка Британских

островов до 42 диалектов заморского английского, и 48 различных языках мира. Другое обследование того же периода показало, что имеется, по меньшей мере, 12 языков Британии, на которых говорят более 100 000 человек. Некоторым людям такое лингвистическое разнообразие могло бы показаться удивительным на родине столь успешного в мире современного английского языка. Однако эти статистические показатели свидетельствуют о множественности путей, используемых гражданами современной Британии в целях коммуникации.

Более того, эти языки тесно связаны с тем, как люди воспринимают самих себя и свою роль в британском обществе. Соединенное Королевство является единым государством, но многие люди внутри него думают о себе, своих семьях и своих локальных сообществах совершенно по-разному. Один из способов описания этих индивидов и групп, к которым они принадлежат, может быть осуществлен через «этничность». Этничность – это чрезвычайно сложное и многозначное понятие. Однако оно может быть определено как образцы поведения, культурные ценности и политические установки, разделяемые определенными индивидами, которые объединяются в единую группу внутри более крупной группы населения [36]. В перепись 1991 года был впервые включен вопрос об этнической принадлежности. Обнаружилось, что 5,5% населения Великобритании (чуть больше 3 млн человек) идентифицируют себя по принадлежности к какой-либо этнической группе. Самые крупные этнические популяции были обнаружены в Лондоне (25,6%) и в графстве Вест-Мидлендс, Метрополитен (14,6%), а самые маленькие – в сельских местностях Шотландии (1,3%), Йоркшире (0,9%) и Нортумберленде (1%).

К тому же Соединенное Королевство состоит из четырех отдельных местных популяций, одной очень большой – англичане (48 млн) и трех небольших – шотландцы (5 млн), уэльсцы (3 млн) и северные ирландцы (1,5 млн). А означает это, что большое число людей в Соединенном Королевстве, около 20% (12 млн человек) от всего населения, не имеют права вести прямой диалог с государством, в котором они живут. За последние годы эти проблемные отношения между государством и его этническими и региональными меньшинствами стали предметом одного из самых важных дебатов в современной жизни Британии.

«Признание этнического статуса имеет значимый юридический, образовательный и социальный подтекст. Но этнический статус также несет важные социологические и психологические скрытые смыслы относительно того, кем себя считает отдельный человек, то есть в параметрах индивидуальной самоидентификации. Следует еще раз подчеркнуть, что значительная часть нашей самоидентификации определяется именно языком. Тем языком, которым мир пользуется в коммуникации с нами, и языком, которым мы пользуемся в коммуникации с миром» [36, с. 245]. Увязывая все это в одно целое, отметим, что именно вопросы языка, этничности и идентификации находятся в центре внимания многих современных исследователей.

В XIX веке понятие «правильного» английского стало чем-то вроде навязчивой идеи для многих литературных критиков, философов и педагогов. Результатом этой озабоченности явилось изобретение идеальной формы английского языка, включающей в себя аспекты грамматики, словарного состава, произношения и всего прочего.

Такой идеальный продукт потребовался, чтобы поддержать представление Британии о себе как о великой индустриальной и имперской державе. Тот факт, что этот идеальный, или «стандартный», английский был изобретением, не волновал тех, кто пользовался им, чтобы критически относиться к лингвистическим «ошибкам» огромного большинства населения Британии. Должно быть, выходцу, скажем, из Нортумберленда или Сомерсета, регионов, чьи диалекты развивались тысячелетие и полностью были включены в местную географию, показалось бы странным, если бы ему сказали, что он говорит неправильно – в сочетании с правилами, придуманными интеллектуалами и учеными!

Вопрос о том, как правильно говорить и писать по-английски, продолжал оказывать серьезное влияние на жизнь Британии в течение всего XX века. Многие люди еще в 1990-е годы придерживались этой модели Стандартного английского. Их до сих пор волнует падение стандартов разговорного и письменного английского. Продолжают поступать письма в «качественную» прессу, такие газеты, как The Times, The Independent, The Telegraph, The Guardian, и Британскую радиовещательную компанию (BBC), и на радио, и на телевидение о дурной практике в области разговорного и письменного английского языка.

На ранних стадиях радиовещания «акцент BBC» был эталоном правильного английского. Но в последние годы этот «акцент BBC», как и его ближайший «родственник» – «королевский английский», становится языком меньшинства. Одним из немногих людей, от которых можно услышать «королевский английский», является сама королева, произносящая рождественские речи, обращенные к странам Британского Содружества. Усеченное произношение и манерный голос принца Чарльза, равно как и постоянное использование им безличного местоимения one («one feels one's responsibilities») [36, с. 248] является тоже своего рода откатом к более ранней стадии истории британской лингвистики. И хотя все еще существуют версии «акцента BBC», например, в некоторых спортивных комментариях таких видов спорта, как теннис, крикет, конно-спортивные состязания, или в некоторых программах по искусству, в последнее время этот акцент используется скорее в сатирических или иронических целях [36, p. 248].

До сих пор ведутся лингвистические дебаты по поводу значимости языка Шекспира. Конечно, для любого человека, знакомого с языком Шекспира, общение на нем едва ли покажется жизнеспособным средством коммуникации в XX веке. Тем не менее многие считают язык Шекспира вершиной достижения в области культуры Британии. И приводятся обширные аргументы в пользу того, что в своей поэзии и драматургии Шекспир запечатлел сущность английской (но не британской) идентичности. Тем, кто придерживается этой точки зрения, кажется поэтому очевидным, что британская молодежь любой этнической принадлежности должна знать труды Шекспира, чтобы оценить историю и общество, частью которого она теперь является.

С другой стороны, имеются заявления, что Шекспир полезен только с исторической точки зрения и что современное образование должно больше уделять внимания современной жизни студентов, их ценностям и верованиям. Есть мнение, что Шекспир не представляет большой значимости для различных этнических групп, имеющих собственные важные культурные и лингвистические традиции.

В Великобритании бытует мнение, что «телевизионная мыльная опера под названием «Улица Коронации», снимавшаяся в Манчестере и рассматривавшая подробности жизни представителей рабочего класса, представляла куда больший интерес и значе-

ние для миллионов людей во всей Британии, чем что-либо, написанное Шекспиром или о нем» [36, p. 249]. И все потому, что язык, произношение и поставленные проблемы в опере «Улица Коронации» ближе к тому, что большинство британцев переживают в своей повседневной жизни. Это объясняется тем, что появилась тенденция лишить представителей рабочего класса и тех, кто имеет иной этнический культурный фон, доступа к ценностям и достоянию культуры.

Региональные вариации произношения в том виде, как их используют герои этого сериала, имеют большое значение в жизни Британии, а также они стоят в центре дебатов о Стандартном английском. Чуткому уху в Британии слышны десятки различных региональных акцентов и сотни менее заметных лингвистических особенностей, которые отличают один регион, или город, или даже деревню от других подобных. Город Ливерпуль, например, характеризуется очень сильным и узнаваемым акцентом, известным как «scouse», т.е. ливерпульский. Он создавался как смесь ланкаширского, ирландского и уэльского влияний, и говорящих с таким акцентом называют «scouse» [36, p. 249]. Одна из версий «scouse» привлекла национальное и всемирное внимание благодаря успеху популярной музыки группы The Beatles в 1961 году. Фразы, сленг, интонации, которые характеризовали речь этих ребят, были, однако, всего лишь одной версией чрезвычайно сложного комплексного собрания лингвистических вариаций, действующих в пределах города Ливерпуля.

Один из факторов, влияющих на все варианты английского языка в современной Британии, – это экономическое и культурное доминирование США. Особенно после окончания Второй мировой войны вопрос об американском влиянии на жизнь Британии горячо дебатируется. Одни участники дискуссии опасаются, что наличие общего языка с самой успешной в культурном отношении нацией в мире будет подтачивать собственно британскую лингвистическую идентичность. В то же время другие спорящие утверждают, что глобальное распространение и доминирование английского языка обеспечивают дальнейшую культурную жизнеспособность Британии. И действительно, создается впечатление, что благодаря освоению популярной музыки, кино и компьютерной технологии британцы все ближе знакомятся с различными речевыми образцами США, распознавая даже различия между ними (например, южный

тягучий говор, нью-йоркский назальный, калифорнийский с восходящими интонациями). Отчетливые американские ритмы, интонации и сленг становятся привычными по всей Британии, не только в пабах и клубах, но и все чаще в более формальных контекстах, таких как область образования и медийные средства. Британская популярная музыка, например с 1960-х, находится под сильнейшим влиянием американских стилей. И, напротив, часть привлекательности таких групп, как Cranberries (Ирландия), Proclaimers (Шотландия) или Blur (Лондон), состоит в том, что певцов слушают потому, что они поют на языке своей местности [36, p. 250]. В то же время очевидно, что английский, пусть даже и американский английский, остается доминирующим языком дипломатии и популярной культуры.

Но для многих людей это доминирование английского языка является проблемой в том смысле, что он лишает отдельные личности и целые сообщества возможности доступа к собственному местному культурному наследию. Не случайно нельзя дать однозначного ответа на вопрос: есть ли стандартный английский?, поскольку, как представляется с учетом законов развития языка, нельзя провести четкую границу между «стандартным», как мы его называем «искусственным языком», и теми языками, на которых общаются этнические группы, так как развитие языков обусловлено культурно-историческим развитием всего человечества. До того, как было произнесено слово, т.е. на определенном этапе исторического развития общества, до языка было лингвистическое поведение, т.е. общение было на языке телодвижений, жестов. В наши же дни, когда общество стало открытым, появилась система Интернет, происходит постоянное сопряжение различных языков, их взаимопроникновение и обогащение, появляется новая система мышления.

1.4. Методологический анализ проекта «синергетическое движение в языке»

Состояние быстро меняющихся социально-экономических и политических обстоятельств современной жизни выдвигает новые требования к изучению окружающей действительности. Вхождение человека в новый цикл цивилизационного развития и поиск путей решения глобальных проблем связаны с изменением типа научной

рациональности и появлением новых функций и форм взаимодействия науки с другими сферами культуры. Сейчас также уделяется большое внимание таким аспектам проблемы изменения типа научного познания, как гуманизация научного знания, придание ему человеческого измерения. Отмечается необходимость единства гуманитарного и естественно-научного познания, возможность нового синтеза науки, нравственности и искусства. Наука с момента ее возникновения до наших дней неоднократно изменяла свою форму, проходя через множество стадий эволюции, но только в XX веке она обрела мировоззренческие функции и стала создавать и развивать картину мира, претендуя на то, чтобы люди соотносили с ней свое миропонимание и деятельность.

Образ науки во многом определялся ее ролью в культуре. Роль коммуникатора, «переводчика» с языка научной теории, знакомого узкому кругу профессионалов, на язык обыденного сознания, в область ментальности, играет научная картина мира. Через нее научные знания онтологизируются, обретают бытие в культуре. Термин «картина мира» весьма многозначен, что предполагает выяснение основных смыслов, в которых он употребляется. В современной лингвофилософской научной литературе он применяется для обозначения мировоззренческих структур, лежащих в основе культуры определенной исторической эпохи. В этом смысле используются также термины «видение мира», «модель мира», «образ мира», характеризующие целостность мировоззрения. Структура картины мира при таком подходе задается через систему так называемых категорий культуры (универсалий культуры).

Расширенное толкование термина «картина мира» дало таким исследователям, как Дж. Холтон [37], возможность отождествлять понятия мировоззрения и картины мира. Так, например, он отмечал, что под мировоззрением мы понимаем общую картину мира, т.е. более или менее сложную систематизированную совокупность образов, представлений и понятий, в которой и через которую осознают мир в его целостности и единстве. Однако в этом случае важно отметить, что мировоззренческий образ мира – это не только осмысление мира, знание о мире, но одновременно и система ценностей, определяющая характер мироощущения, переживания мира человеком, определенную оценку тех или иных его событий и явлений и, соответственно, активное отношение человека к этим событиям.

В западной философии в 80-х годах происходила своего рода реабилитация понятий «мировоззрение» и «картина мира». На этот аспект проблемы обратил внимание Дж. Холтон. Он отмечал, что философия была вынуждена обратиться к данным феноменам тогда, когда возникла необходимость усложнения методологического анализа и, соответственно, появилась потребность в более тонком методологическом инструментарии. Вместе с тем, когда речь заходила о картине мира, то фактически она отождествлялась с мировоззрением. Понятие картины мира как синонима понятия мировоззрения как раз используется в концепции Дж. Холтона. Картина мира предстает у него как модель мира, которая обобщает опыт и сокровенные убеждения человека и играет роль своеобразной ментальной карты, с которой он сверяет свои поступки среди вещей и событий жизни. Ее основная функция – быть связующей силой, направленной на консолидацию человеческого общества [37].

В нашей лингвофилософской литературе термин «картина мира» применяется не только для обозначения мировоззрения, но и в более узком смысле – когда речь идет об основных типах теоретического знания. В этом значении научная картина мира выступает как специфическая форма систематизации научного знания соответственно определенному этапу функционирования и развития науки. Этот смысл обозначился не сразу. Лишь по мере того, как развивалась философско-методологическая рефлексия над научной деятельностью, появилась возможность зафиксировать в качестве основного компонента науки некоторую интегративную систему представлений о мире, которая вырабатывается в результате синтеза знаний, получаемых в различных областях научного исследования, и которая впоследствии получила название научной картины мира.

Исследование научной картины мира вначале проводилось на материале физико-математического знания; для этого имелись все основания, поскольку физика раньше других наук достигла высокого уровня теоретизации. Но многочисленные исследования, проведенные в последние десятилетия, подтвердили предположение о существовании в различных науках общих форм систематизации знания, задающих обобщенное видение предмета исследования и аналогичных по своим функциям физической картине мира. Понимание этого позволило методологам рассматривать специальные картины мира, причем не только в аспекте дисциплинарных иссле-

дований, но и в междисциплинарном как важные аспекты формирования общенаучной картины мира.

Одной из гуманитарных дисциплин, где используется понятие «картина мира», является языкознание. В этой связи хотелось бы подробнее остановиться на отношении «язык и культура». Язык отражает действительность, создает свою картину мира, специфическую и уникальную для каждого языка, и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, использующего данный язык в качестве средства общения.

Прежде всего, язык – это средство общения между людьми, и он неразрывно связан с развитием того народа, который говорит на этом языке. Наличие теснейших связей между языком и его носителем очевидно и не вызывает сомнений. Общественная природа языка проявляется как во внешних условиях его функционирования в данном обществе, так и в самой структуре языка: синтаксисе, грамматике, лексике и т.д. Рассматривая язык как средство общения, как систему знаков, кодов, лингвисты создали теоретическую модель языка как системы знаков – семиотическую модель.

Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире, которые являются уже ментальными конструкциями, выраженными в высказываниях, образах, знаках. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты восприятия, человек передает их другим членам сообщества. Язык как способ выразить мысль и передать ее от человека к человеку неразрывно связан с мышлением. Соотношение языка и мышления, а также их взаимодействие с культурой и действительностью – вечный сложнейший вопрос и языкознания, и философии.

Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете; понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, климатом, верованиями, традициями, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено разными формами общественного сознания (образом

жизни, обычаями, традициями и т.д., т.е. всем тем, что выше определялось словом «культура» в его широком этнографическом смысле), а также и индивидуальными особенностями (специфическим восприятием мира, свойственным конкретному индивидууму), то можно утверждать, что когнитивная модель действительности является не ее копией и не чистым представлением, а сложной системой, сконструированной во взаимодействии человека, реальности, языка, социально-культурных ценностей и стереотипов мышления и коммуникации.

Таким образом, язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может существовать без двух других. Итак, окружающий человека мир, или жизненный мир, представляет собой реальность не саму по себе, а реальность, спроецированную на человеческий способ бытия. Эти проекции различаются по областям деятельности: культура, общенаучная картина мира, частнонаучная картина мира. К частнонаучным относится и языковая картина мира.

Идея национально специфических языковых картин мира зародилась в немецкой философии конца XVIII – начала XIX века (Михаэлис, Гердер [38], Гумбольдт). Речь идет, во-первых, о том, что язык как идеальная, объективно существующая культура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями, во-вторых, о том, что язык – система чистых значимостей – образует собственный мир, как бы наклеенный на мир действительный.

Вопрос о соотношении культуры и языковой картины мира чрезвычайно сложен и многопланов. Его суть сводится к различиям в преломлении действительности в языке и культуре. Во многих современных исследованиях утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с другом как целое с частью: языковая картина мира – это часть культурной (концептуальной) картины мира, хотя и самая существенная. Однако языковая картина мира беднее культурной, поскольку в создании последней участвуют наряду с языковыми и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой [39], правильнее все-таки говорить не об отношении «часть – целое». Безусловно, язык – часть культуры, но и культура – только часть языка. Значит, языковая

картина мира не полностью поглощена культурной, если под последней понимать образ мира, преломленный в сознании человека, т.е. мировоззрение человека, сформировавшееся в опыте физической и духовной деятельности.

Считается, что наиболее адекватным пониманием картины мира является ее определение как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Однако духовная и физическая деятельность неотделимы друг от друга, и исключение любого из этих двух составляющих неправомерно, если речь идет о культурно-концептуальной картине мира.

Все попытки разных лингвистических школ отделить язык от действительности, лишить онтологического смысла, а мыслить его только как посредника в обмене информацией, как инструментарий потерпели неудачу по простой и очевидной причине: необходимо принимать во внимание не только языковую форму, но и содержание – таков единственно возможный путь всестороннего исследования любого явления. Содержание, семантика, значение языковых единиц, в первую очередь слова, – это соотнесенность некоего звукового (или графического) комплекса с предметом или явлением реального мира. Языковая семантика открывает путь из мира собственно языка в мир реальности. Этот путь обусловлен культурными представлениями о предметах и явлениях культурного мира, свойственных данному речевому коллективу в целом и индивидуальному носителю языка в частности.

Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует и вербализует, онтологизирует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения к поколению. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но описать способен все.

Наиболее наглядной иллюстрацией может служить слово, основная единица языка и важнейшая единица обучения языку. В процессе усвоения чужого, нового языка человек одновременно усваивает чужой, новый мир. С каждым новым иностранным словом обучаемый как бы переносит в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, другой культуры. Таким образом, изуче-

ние иностранного языка (особенно на начальном, достаточно продолжительном этапе, дальше которого многие изучающие язык не продвигаются) сопровождается своеобразным раздвоением личности, т.е. приобретением черт второй языковой личности [40]. Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком, причем трудность не явную, не лежащую на поверхности, часто вообще не осознаваемую обучаемыми (а иногда и педагогом), что, по-видимому, и объясняет недостаток внимания к этой проблеме.

Одно и то же понятие, одна и та же часть реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках – более или менее полные. Слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут различаться семантической емкостью, могут покрывать разные части реальности, которые могут различаться размерами в разных языках, в зависимости от объема понятийного материала, получающегося в результате отражения в мозгу человека окружающего мира. Способы и формы отражения, так же как и формирование понятий, обусловлены, в свою очередь, спецификой социокультурных и природных особенностей жизни данного речевого коллектива: расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия на родном и иностранном языках.

Понятие языковой и культурной картин мира играет важную роль в изучении иностранного языка. Интерференция иноязычной культуры осложняет коммуникацию ничуть не меньше и на родном языке. Изучающий иностранный язык проникает в культуру носителей этого языка и подвергается воздействию заложенной в нем культуры. На первичную картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка. Вторичная картина мира, возникающая в процессе изучения иностранного языка и культуры, – это не столько картина, отражаемая языком, сколько картина, создаваемая языком.

Взаимодействие первичной и вторичной картин мира – сложный психологический процесс, требующий отказа от собственного Я и приспособления к другому видению мира. Под влиянием вторичной картины мира происходит переформирование личности.

Разнообразие языков отображает разнообразие мира, новая картина высвечивает новые грани, при этом старые грани затеняются.

Обусловленность мышления социокультурными факторами и прежде всего языком исследована философами и культурологами основательно. Особенно пристальное внимание анализу связи сознания, бытия и языка стало уделяться в XX веке в контексте так называемого лингвистического «поворота» в философии, начало которому было положено в философии экзистенционализма и в феноменологии. У М. Хайдеггера [41] язык стал толковаться как медиум бытия: «язык – дом бытия». У М. Гадамера язык – не только инструментальное средство выражения, язык как процесс диалога, который ведут между собой бытие и мышление, «вещи сами по себе» и человеческое знание о них. Язык становится средой, в которой индивидуальное человеческое существо проявляется через целое, через социальность. В герменевтике тем самым задается иной, нежели инструменталистский, подход к языку. По мнению М. Гадамера [42], правильнее считать, что язык говорит нами, чем что мы изъясняемся языком. Язык мыслит себя через человека, и способом осуществления этого является «спекулятивная игра языка». Играет не субъект, играет игра, становясь сама субъектом игрового движения.

Более системно язык исследован в постструктурализме, составляющем философское содержание постмодернизма и формирующем текстовую картину реальности. В работах М. Фуко [43], Ж. Деррида [44], Ж. Делеза [45] осознано, что язык – это способ мироистолкования, предпосланный любому акту рефлексии. Язык никогда не есть язык говорящего, но всегда язык беседы, которую ведут с нами вещи. М. Фуко представляет язык как видоизмененную природу, как образ мира. Для обоснования этого тезиса он обобщил формы письма: евреи, сирийцы, египтяне, арабы, турки, персы, мавры, татары пишут справа налево, следуя ходу и ежедневному движению первого неба; греки, грузины, римляне и все европейцы пишут слева направо, следуя ходу и движению второго неба, совокупности семи планет; индусы, китайцы, японцы пишут сверху вниз, что соответствует установлению природы, согласно которой у людей голова вверху, а ноги внизу; мексиканцы пишут то снизу вверх, то спиральными линиями, прочерчиваемыми солнцем в ходе его годового движения по зодиаку.

В целом лингвофилософский анализ языка так или иначе связан с анализом способа бытия, зафиксированного в языке. Интересно, что трактовка бытия в разных странах, этносах различна. «Бытие» на русском не равно бытию на немецком. Если перевести на древнерусский слово «бытие», то это будет «а во есмь» (я вот здесь), созвучное русскому «авось». Способ бытия для русского человека часто связан с этим «авось как-нибудь выкрутимся».

Проект «синергетика и язык» – область гуманитарного освоения синергетики. По гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа каждый язык несет в себе свою собственную онтологию. Механический образ природы подчинил себе и дискурс в естествознании. Механический образ природы диктовал и свой язык: субъект, объект, наблюдатель, наблюдаемое, сила, тело, масса... В рамках синергетического видения, в рамках новой онтологии будет складываться и новый язык науки, что уже и происходит.

Эдвард Сепир, выдающийся американский языковед и культуролог XX века, оказал и продолжает оказывать большое влияние на развитие современных лингвистических концепций. Важными аспектами его теории являются рассмотрение связи языка и мышления, языка и культуры, а также формирование концепции «языковой относительности», утверждающей возможность самого разнообразного и несоизмеримого друг с другом символического выражения всех мыслительных разновидностей нашего опыта в разных языках и несопоставимость функционирования языка и культуры, их относительную самостоятельность. Первый аспект (соотношение языка и мышления) концепции «языковой относительности» вызывает значительный интерес современных лингвистов к когнитивным процессам языкового и речевого функционирования и находит выражение в описании языковой картины мира. Другой аспект – соотношение языка и культуры – в меньшей степени обсуждается в лингвистической литературе. Между тем в трудах Э. Сепира высказывается много интересных мыслей как для лингвистики, так и для культурологии.

Под культурой Э. Сепир понимает то, что данное общество думает и делает. Язык же есть то, как оно думает. Это чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов. В языке им выделяются две стороны: содержательная и фор-

мальная. И поэтому, когда Э. Сепир анализирует взаимодействие языка и культуры, он имеет в виду разграничение этих сторон и признает содержательную сторону языка (лексикон) тесно взаимосвязанной с культурным развитием, а формальную (синтаксическую сторону) ни в коей мере с развитием культуры не соотносящейся [17]. В своей работе «Язык. Введение в изучение речи» он пишет: «Дрейф культуры, ее история, есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта – приобретений, потерь, изменений в оценках и в системе отношений» [17, с. 17]. Дрейф языка вовсе не связан с изменениями формального выражения, не является чисто субъективистской деятельностью, а есть составляющая естественно-исторического процесса эволюции. Поэтому, заключает Сепир, лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры.

Наблюдения за преподавателями иностранных языков, которые постоянно подвергаются воздействию иноязычной культуры, показали, что русские преподаватели кафедр английского, немецкого, французского и других языков приобретают определенные черты национальной культуры тех языков, которые они преподают. Становятся очевидными необходимость самого пристального изучения межъязыковых соответствий и актуальность этой проблемы для оптимизации межкультурного общения, а также совершенствования методов преподавания иностранных языков для теории и практики перевода, лексикографии.

В последнее время все чаще говорят о так называемом синергетическом подходе к социальным процессам, культуре, науке, искусству, экономике и, наконец, к образованию. За этими разговорами стоят серьезные достижения в естественно-научных и гуманитарных областях знаний.

В современном языкознании возникли новые аспекты обсуждения проблем. Заслуживает внимательного рассмотрения синергетический подход к анализу языка. Синергетический анализ языка позволяет, на наш взгляд, получить новое знание о смыслообразовании, об организации коммуникативных процессов, а также о методике обучения языку. Рассмотрим последовательно отмеченные направления проекта, получившего обозначение «синергетическое движение в языке». Можно говорить и о формировании направления лингвосинергетики, связанного с процессами самоорганизации в языке как коммуникативной системе. Для этого нового направле-

ния характерно акцентирование внимания на системных идеях, их внедрении в процессы моделирования мысле- и речепорождения. В российском языковедении внедрение системных идей в изучение языка связано с работами И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова. В XX веке системный подход к исследованию языка получил развитие в работах В.Г. Адмони, О.В. Александровой, М.М. Бахтина, Ф.М. Березина, В.В. Виноградова, Л.С. Выготского, В.А. Звегинцева, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, Ю. Лотмана, Н.С. Поспелова, Б.А. Серебренникова, Е.В. Сидорова, Ю.С. Степанова, Л.В. Щербы и др.

Системная методология в языкознании получила новый импульс к развитию в контексте утверждающейся в философии коммуникативной теории социальности. Коммуникация приобретает не только инструментальный, функциональный характер, но и онтологический («язык – дом бытия»). Системная методология обращена к исследованию систем в статике. Изучение динамики систем получает дальнейший разворот через синергетику. В лингвистике возникает потребность изучать процессы самоорганизации дискурса. В ответ на это появились исследования, которые сегодня можно объединить в лингвосинергетику как самостоятельное течение в языкознании.

Здесь необходимо упомянуть следующие работы: В.И. Аршинов, Я.И. Свирский «Синергетическое движение в языке» (1994); Г.Г. Москальчук «Структурная организация и самоорганизация текста» (1998); И.А. Герман, В.А. Пищальникова «Введение в лингвосинергетику» (1999); В.Н. Базылев «Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект)» (1999); Н.Л. Мышкина «Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход» (1999) и др. В этих исследованиях отмечается необходимость развития интегральной концепции языка. Ниже будет дана краткая характеристика синергетики. Затем остановимся на особенностях лингвосинергетики и рассмотрим, как синергетический подход позволяет выявлять самоорганизацию в коммуникативной динамике.

Являясь междисциплинарным знанием, синергетика изучает системы, но не любые, а определенный класс динамических систем, так называемые диссипативные системы.

Диссипативными называют открытые нелинейные системы, и они являются объектами синергетики. В качестве примера таких систем можно привести живые организмы. Они поддерживают ди-

намическое равновесие за счет постоянного обмена с окружающей средой веществом, энергией, информацией. Важнейшая характеристика диссипативных систем – открытость. Сам термин «диссипация» происходит от английского dissipate «рассеивать». Им обозначается класс систем, рассеивающих вещество, энергию, информацию. Поэтому открытость – это необходимое условие их существования, это способность к взаимодействию. Под открытостью систем понимается их способность к взаимодействию и обмену веществом и энергией. Обмен веществ, к примеру, является важнейшим признаком живых систем. Еще одним свойством открытых систем может служить «размытость границ» эволюционирующих систем, существующая несмотря на их пространственную локализацию и относительную изоляцию. Так, биологи отмечают, что сложноорганизованные системы (организм, например) трудно выделить из окружающей среды, как и разложить такие системы на составляющие. Важным аспектом самоорганизации является то, что части ведут себя как бы согласованным образом. Примеры такого поведения можно встретить в биологии, например согласованное поведение в большом косяке рыб, стае птиц.

В синергетике создается новый язык описания со своими понятиями, в которых наиболее важным является «порядок через флуктуацию». Флуктуация – от лат. flucuatio «колебание». Для входа в новое состояние система должна потерять устойчивость. За счет чего этот переход осуществляется? За счет случайных колебаний, флуктуации. Для описания согласованных взаимодействий используют понятия «когерентность» и «аттрактор». Когерентность – явление, известное из волновой оптики как сохранение соотношения между фазами различных колебательных процессов. Аттрактор – это то самое состояние, которое притягивает, структурирует поведение составляющих системы. Аттрактор – от англ. слова attract «притягивать». Аттрактором называется множество точек фазового пространства динамической системы, к которому притягивается траектория динамической системы с течением времени.

Цель синергетики – найти универсальные закономерности поведения сложных динамических систем, общие законы самоорганизации систем. Важным следствием синергетики, имеющим философское значение, является осмысление фундаментального характера необратимости эволюционных процессов и осмысление организующей роли хаоса. Бифуркация – математический образ воз-

никновения нового качества. Наличие бифуркаций требует рассматривать поведение системы с конкретным набором параметров, т.е. с более общей точки зрения.

Иначе говоря, в любой достаточно сложной системе может возникнуть хаос при определенном наборе параметров, и человек это должен предвидеть. Однако при другом наборе параметров в системе, где существует хаос, могут возникнуть упорядоченные структуры, или самоорганизация. Самым ярким примером самоорганизации является существование жизни на Земле, возникновение которой с точки зрения статической физики чрезвычайно маловероятно. С точки зрения синергетики возникновение жизни – не чудо, а следствие процессов самоорганизации и эволюции материи. Хаос и упорядоченное движение – два вида, две реализации, два состояния, в которых сможет пребывать одна и та же система, причем хаос понимается не как конечный этап развития, а как источник нового порядка.

Диссипативные системы оказываются способными к конструированию порядка, каких-то новых процессов, которые поддерживают их гомеостазис. Иллюстрировать конструктивную роль динамической неустойчивости можно таким примером, как проведение научной конференции «Язык и культура» в течение двадцати лет на базе Томского государственного университета, которая объединяет участников единой тематикой, программой, организацией. Когда участники конференции разъезжаются по своим местам, казалось бы, порядок нарушается. На самом деле, каждый из участников конференции является носителем тех идей, которые объединяли их на конференции, и, вернувшись домой, участники конференции распространяют полученные знания, хаос становится источником порядка. Здесь распадающаяся конфигурация, динамическая неустойчивость (разъезд участников конференции) выполняет конструктивную роль в плане развития идей, знания. Случайность выступает как самостоятельное начало, как имманентное свойство нелинейного мира. Диссипативные процессы, рассеяние есть проявление хаоса, существующего на микроуровне. Поэтому хаос может быть воспринят не как разрушающая сила, а как сила, «выводящая на аттрактор», как фактор самоструктурирования нового порядка, результатом которого явились защиты многих кандидатских и докторских диссертаций.

Хаос – это новый тип порядка, который раньше не видели, воспринимали как тепловой шум, а теперь стали видеть везде. Результатом такого гештальтпереключения в мышлении, в видении реальности стало формирование новых компьютерных технологий, где информация представляется в виде графического образа, открывается новый мир структур.

Динамический хаос как бы открывает системность внешнего мира, обеспечивая возможность получения информации о целом. Это называют коммуникативной функцией хаоса. Эволюция в этом контексте есть спонтанное структурирование систем. Синергетика позволяет понять разрушение как креативный принцип. Синергетическая ситуация предстает как эволюционная игра, в которой ничто не предопределено, кроме общих правил самой игры. Эти правила суть эволюционные запреты.

Этот краткий обзор основ синергетики и ее понятийного аппарата осуществлен с той целью, чтобы рассмотреть возможности применения синергетического подхода к языку как к системе знаков и как к коммуникативной системе, а также указать на возможности его использования в современных образовательных стратегиях обучения языку.

Отметим, что экстраполяция синергетических методов на социальную сферу, в том числе и на область лингвистики, это уже установившаяся тенденция, ее общее обозначение – социосинергетика. Социолингвистика, о которой пойдет речь далее, основана на новых концепциях языка, сформировавшихся в контексте так называемого лингвистического поворота в философии XX века. В открывшейся перспективе язык получил текстовую трактовку, но понятие текста в герменевтике обрело онтологический смысл. Культура, весь мир стали интерпретироваться как текст. Одна из современных лингвистических теорий – теория речевых актов (SAT – Speech Acts Theory). Совокупность человеческих взаимодействий в ней представлена как сеть, сплетенная из отдельных коммуникативных актов. Концепцию SAT сопоставляют с функционально-коммуникативной теорией языка, которая выступает как форма методологического «онаучивания» лингвистики.

С функционально-коммуникативной теорией языка связан и синергетический подход к языку. Нелинейность, являющаяся одним из базовых концептов синергетики, открывает перспективы для исследования речевой деятельности. Дискурс предстает как

процесс, развитие которого имеет нелинейный характер. Синергетический подход обнаруживает спонтанность в речепорождении, позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений. В этой связи традиционный подход структурной лингвистики Ф. де Соссюра [46] оказывается далеко не универсальным. А идея синергетики о нелинейности экстраполируется на систему языка и речи.

Понимание языка и речи как неравновесных нелинейных открытых систем связано с их внутренней неоднородностью, многомерностью, коммуникативной открытостью. Нелинейность языка как функциональной системы означает присущую ей способность к таким внутренним флуктуациям, которые извне воспринимаются как спонтанное рождение новых значений, словоупотреблений, смыслов в различных культурных контекстах. Система, в данном случае язык как речь, резонирует на воздействие коммуникативной среды. Неравновесность, нелинейность коммуникативной системы позволяют проявлять гибкость, свойственную живым языкам, и при этом сохранять свою целостность и идентичность.

Примером может служить уход из жизни каких-либо лексических выражений и появление многих новых, обусловленных социокультурными сдвигами. Переход к рыночным отношениям в перестроечную эпоху породил множество новых слов в разговорном русском языке. Исследователи обратились к изучению тех трансформаций в языке, которые обусловлены культурной динамикой, перестройкой общественного сознания. Это вытеснение некоторых лексических единиц, и, наоборот, легализация ненормативного грамматического, лексического, фонетического элемента [17, с. 9].

Подобные этапы эволюции языка соответствуют понятиям бифуркации, диссипации в языке как коммуникативной системе. Сам факт их реализации имеет значение как демонстрация самоорганизующихся процессов, дающих возможность стабилизации неравновесного состояния языка – речи. Язык как речь обладает особыми системными свойствами. Бифуркации в системе языка приводят к возникновению качественно новой системы, по-новому упорядочивающей свою организацию. Таким в общих чертах предстает процесс самоорганизации языка как целостной нелинейной открытой эволюционирующей системы.

Применим в лингвистике и синергетический механизм когерентности процессов. Когерентность – явление, известное из вол-

новой оптики, оно обозначает синхронизацию фаз волновых функций элементарных частиц, атомов, составляющих конкретную физическую структуру. Согласованное, коллективное поведение системы (макроуровень) и ее составляющих (микроуровень) может приводить к таким эффектам, как сверхпроводимость, сверхтекучесть. Характер этого явления принципиально неклассический, несиловой. Малые, но согласованные воздействия несилового характера, описываемые в физике понятием «когерентность», в смысловом содержании предугаданы в философии Г.В. Лейбницем как принцип предустановленной гармонии.

Древней традицией рациональной деятельности на Востоке был идеал минимального вмешательства в протекание процессов. Существовавший в древнекитайской культуре принцип «у-вэй», требующий невмешательства в протекание природного процесса, сегодня приобрел более широкое толкование благодаря синергетической парадигме. Принимая во внимание способность к согласованному функционированию компонентов системы, которые как бы «коллективизируются» и «синхронизируются», можно создавать эффекты без сколько-нибудь значительного воздействия сил и энергий.

Если рассматривать язык с позиций функциональной лингвистики, т.е. как коммуникативную систему, средство передачи культурно-исторического опыта, то средой его существования становится непрерывная (контекстная) система взаимодействий. Развитие этой системы поддерживается и языком, и структурой взаимодействий, в которую включены и мышление, и психика, и ценностно-культурная ткань общества, система передачи культурного опыта и прочие параметры. Когерентность этих параметров в коммуникативном процессе и создает непрерывную среду языка – речи. Как пример когерентных процессов в организации факторов развития языка можно привести внедрение американского произношения. Это не только лингвистическое явление, но и фактор культурного влияния, фактор в социологии и политологии, обозначаемый как глобализация и американизация. С другой стороны, немало примеров потери, забывания разговорных и научных словообразований, что синергетика объясняет действием режима рассеивания, проявлением не усиления флуктуации, а их размыванием.

В терминах синергетики коммуникативная среда является не внешним фактором, а участником коммуникативного процесса,

смыслообразование организуется диалектикой текста и контекста, новации и традиции, семантическими единицами, принадлежностью говорящего к той или иной социальной группе, где общение стилистически оформлено. Примерно таким образом выглядит сложная система коммуникаций, в которой происходит саморазвитие языка, сопровождающееся диссипацией элементов системы, рождением новых элементов.

Традиционно считалось, что смыслообразование связано исключительно с мыслительной активностью человека. Сознание и мозг – та сфера, где рождается смысл. В деятельности человека усматривалась целесообразность благодаря ее изначальной осмысленности. Такое, казалось бы, очевидное представление было подвергнуто критике еще «досинергетическими» авторами, обратившимися к исследованию проблемы интерпретации текста.

В классической философии язык рассматривается как форма выражения мысли. В неклассической философии выяснилось, что значение слов не предшествует самим словам, а определяется контекстуально по ходу движения значения. Многие литераторы отмечали, что текст сам организует сюжет. Произведение сначала пишется, а потом, как говорил Хорхе Луис Борхес [47], дай нам Бог узнать, что нам удалось написать. Значение и смыслы конституируются в пространстве движения.

В рамках синергетического подхода можно утверждать, что смысл изначально не предзадан и не принадлежит никому, смысл порождается в процессе коммуникативного общения. Этим объясняется многоплановость и разнообразие в прочтении текстов. Синергетика способна пролить свет на механизмы смыслопорождения. Текст в синергетическом прочтении трактуется как нелинейная информационная среда, в которой реализуется языковая коммуникация. Механизм смыслообразования понимается не только с позиций лингвистики, а как самостоятельно бытийствующая реальность.

Смысл не предзадан, а возникает на пересечении ряда одновременно осуществляющихся процессов как коррелят единичных актов понимания и как динамичное событие. Синергетическая ситуация вообще и в языке в частности предстает как эволюционная игра, в которой ничего не предзадано, кроме правил самой игры, эти правила – эволюционные запреты. Нелинейный характер взаимодействий в языке и коммуникативном процессе, понимаемых как

диссипативная система, раскрывает, каким образом происходит смыслообразование.

Смысловое пространство как возможные, потенциальные версии задается и формируется подобно событиям в естественной реальности, но актуализируются смыслы, «распаковываются» в диалоге. Как отмечается в герменевтике, смысл предполагает наличие другого. Категории герменевтики «смысл», «контекст» получают вполне определенное значение в синергетике. Смысл трактуется как «поликонтекстное одеяние события», его история, прогноз, его сопричастность миру. Контекст организуется начальными условиями процесса-системы, а затем разрастается всеми обстоятельствами синергетической игры («блуждание по полю возможностей»).

Рассмотрим коммуникативность – один из намеченных аспектов проблематики «синергетика и язык». Коммуникативность синергетики обусловлена обращенностью синергетики к познанию динамической целостности. Синергетическое видение мира – это не только признание самоактивности бытия, но и единства всех происходящих процессов, включая социальные, мыслительные, этические. Внутри синергетики присутствует некое ядро, которое, будучи невидимым и актуально непрорисовываемым, обеспечивает возможность синергетического дискурса. Следующее – метафизический порядок, бытие как становление. Для постижения этого неявленного порядка необходима новая эпистемология (теория научного познания).

Характеризуя параметры познавательной ситуации в синергетике, авторы (И.Р. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, Я.П. Свирский, Е.Н. Князева, И.В. Черникова и др.) выделяют следующие ее особенности. Прежде всего, синергетика направлена на диалог как способ своего концептуального бытия и становления. Ведущее познавательное отношение в синергетике – это отношение «Я – Другой». Синергетический дискурс не ориентирован на выявление законов, а направлен на диалог, на создание интерпретаций. В рамках синергетики допускается нечто большее, чем коммуникативный разум. Синергетика предполагает открытую коммуникативно ориентированную личность. Личностная позиция, отмечает В.И. Аршинов, это позиция высоко мотивированная, динамичная. Она характеризуется отходом от языка бинарных оппозиций: субъективное – объективное, абсолютное – от-

носительное, а также искусственное – естественное, открытое – сделанное [18].

Личностная позиция – это не субъективизм, а высоко мотивированная позиция ученого, включающая в себя такой параметр порядка, как мировоззренческие убеждения, моральные нормы. В синергетическом подходе к познавательному процессу становится бессмысленным вопрос: что является объектом познания? Объекта познания просто нет, как нет и наблюдателя – субъекта с его позицией «вненаходимости». Знать в синергетическом аспекте означает уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями.

Третий аспект рассматриваемой темы «синергетика и язык» носит методологический характер и связан с анализом синергетического подхода к изучению языка. В системе знания синергетика относится к разряду междисциплинарного знания, поэтому синергетика предполагает методологию, которая отличается от методологии дисциплинарно организованного знания. Становление новых методов организации научного знания, новых методик обучения является важной задачей современной педагогической науки.

Процесс обучения языку – это процесс, слагающийся из многих составляющих: усвоения суммы знаний (информационный аспект), складывания смысла (герменевтический аспект), межличностного общения (коммуникативный), усвоения лексических и синтаксических правил (когнитивный), овладения социокультурными навыками языковой коммуникации (морально-этический) и т.д. Можно ли организовать процесс обучения таким образом, чтобы его составляющие взаимодействовали по синергетическому принципу? Синергетический принцип связан с учетом кооперативного эффекта взаимодействия составляющих системы.

Предложенный Г. Хакеном [1] для обозначения теории самоорганизации термин «синергетика» акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как целого. Синергетические процессы – это процессы, детерминированные целостностью, конфигурацией взаимодействий, местом в структуре. Важным аспектом самоорганизации является то, что части ведут себя как бы согласованным образом. Кооперативные свойства проявляют системы и в живой, и в неживой природе, и в когнитивной сфере.

Согласованностью, коллективным поведением системы и ее составляющих объясняются эффекты сверхпроводимости, сверхтекучести. Принимая во внимание способность к согласованному функционированию компонентов системы, которые как бы «коллективизируются» и «синхронизируются», можно создавать эффекты без сколько-нибудь значительного воздействия сил и энергий. На таком подходе основана стратегия оптимизации управления динамическими системами.

Обратимся еще раз к принципу «у-вэй», принципу умного недеяния, говорящему о минимальном вмешательстве в процессы, который сегодня особенно важен. Малое воздействие, но оказанное в нужный момент и в нужном месте, может иметь большие последствия, и, наоборот, сильное воздействие может быть «погашено» системой при определенных условиях.

В свете сказанного актуально обучение языку с учетом синергийных факторов комплексной организации методик, когда отдельные прогрессивные технологии взаимно усиливаются. Следует отметить, что синергетический подход не тождественен комплексному, интегративному и даже системному подходам уже потому, что объектом синергетики является лишь определенный класс систем – динамически равновесные (диссипативные).

Исследователями, работающими в области синергетики, было высказано мнение, что синергетический подход позволяет переносить на языковую область то, что уже стало достоянием далеких от нее разделов науки. Методическая задача видится в том, чтобы применять в процессах обучения закономерности, характеризующие лингвистические процессы, уметь выявлять и использовать в обучении тонкое взаимодействие между непредсказуемостью (разнообразием) и надежностью (порядком), эмоциональным и рациональным, наглядным и логическим и т.д.

Главное, что удалось понять синергетике, – это причины и механизмы возникновения порядка из хаоса, определить основные принципы самоорганизации, критерии построения саморазвивающейся среды, установить устойчивость условий развития в развивающемся мире.

Итак, были выделены несколько областей пересечения синергетики и лингвистики. Во-первых, язык может изучаться в системно-динамическом аспекте. В этом ракурсе язык рассматривается как открытая, нелинейная, сложноорганизованная эволюциони-

рующая система. Но, как было показано выше, именно с такими системами имеет дело синергетика. При этом язык может рассматриваться на уровне синтаксиса, семантики слов, имен, предложений, на уровне текста, гипертекста.

Во-вторых, язык как коммуникативная система – это область диалоговой, интерпретативной методологии. А выше указывалось, что познавательный контекст синергетики коммуникативен, диалогичен, т.е. и в плане методологическом обнаруживаются пересечения лингвистики и синергетики.

Синергетический подход к развитию языка позволяет выделить имеющие место процессы самоорганизации языка как коммуникативной системы. Язык предстает как нелинейный процесс, будь то дискурс или письмо. В текстовой концепции языка этот процесс предстает как нелинейное письмо, которое, размыкая одномерность текста, дает простор движению мысли, возможность двигаться по разным направлениям, совершать переход в другие контексты. Гипертекст обозначают как новую форму письменной коммуникации. Возможно, выделенные аспекты пересечения синергетики и лингвистики и не исчерпывают всей полноты проекта «синергетическое движение в языке», это направление является становящимся, но его осмысление важно как в плане развития теории языка, так и в плане совершенствования методик преподавания иностранных языков.

1.5. Синергетический подход в современных образовательных стратегиях: проекции лингвистического обучения

Синергетический подход к образованию основывается на следующих идеях. Мы живем в мире неустойчивых процессов с нарушенной симметрией между прошлым и будущим. Будущее предстает как пространство возможностей, а настоящее – как напряженный процесс отбора. Система образования может быть как замкнутой и статичной, так и открытой и динамичной в зависимости от того, насколько образовательный процесс связан с динамикой освоения мира, с познанием, понимаемым как жизнедеятельность.

Синергетика формирует новую познавательную ситуацию. В классическом подходе к осмыслению познавательных практик формируется модель познания, в которой субъект исключается из мира, а мир предстает как некая внешняя реальность, данная субъекту. Субъект посредством своих познавательных способностей может эту реальность постигать, изменять, занимая некую выделенную позицию внешнего наблюдателя. Классическая стратегия познания формировалась на основе модели мира Декарта (картезианский каркас мира). Подразумевалось, что факт существования мира сопряжен с мыслительным актом существования субъекта. В новой неклассической модели познания, которая формируется в значительной степени под влиянием эволюционно-синергетической научной парадигмы, познающий субъект не сторонний наблюдатель, а участник и «творец», а познание трактуется как жизнедеятельность. С позиций синергетики предполагается, что субъект входит в познаваемую им систему как составляющая этой системы.

Попробуем показать, как система образования может быть сопричастна описанным изменениям в когнитивных практиках, каковы требования, предъявляемые методологией синергетики к образовательному процессу. Образование является сложной системой, в которой сопряжены коммуникативная деятельность, когнитивная деятельность, связанная с получением знаний и обменом знаниями. Образование – это и социальная мировоззренческая деятельность, обеспечивающая формирование и трансляцию ценностей, и норм социального бытия, и еще ряд важнейших составляющих этого процесса, который является сложной системой, сочетающей элементы саморазвития и управляемого воздействия.

Основные элементы этой системы – педагог и обучающийся – представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные во взаимодействии необходимые составляющие, которые позволяют системе существовать как целому, относительно обособленному в структуре социума. Сложность указанной системы определена разнородностью элементов, несводимостью целого ни к одному из указанных элементов, несводимостью совокупного поведения системы к поведению любого из элементов, характерным типом саморегулирования и самоорганизации.

Образование – не только сложная, но и открытая система. Участники образовательного процесса взаимодействуют, обмениваясь информационными, материальными и человеческими ресурсами не только внутри системы, но и с социальной средой, воспринимая и интерпретируя процессы, происходящие в обществе. Система образования и общество становятся взаимосвязанными, коэволюционирующими системами. Для обеспечения этой взаимосвязи образование должно быть коррелятивно процессам, происходящим в обществе. Однако в данном случае моделируется не актуальное состояние общества, наличные общественные отношения и их нормы, а действие тех универсальных законов, которые имеют место на всех этапах развития систем различной природы. Образование, функционирующее на основе действующих универсальных законов, является важным фактором социального прогресса, влияющим на актуальные состояния общества, обнаруживая спектр его возможных состояний, т.е. появляется возможность прогнозировать будущее, предваряя изменения в обществе готовностью к своим собственным изменениям.

Открытость системы образования создает, с одной стороны, многообразие интересов, обращенных к школе со стороны государства и общества, т.е. некоторую неопределенность «социального заказа». С другой стороны, в системе образования создается многообразие форм учебной деятельности, обеспечивающее формирование личности преподавателя и обучаемого, соответствующее не только сложившемуся социальному многообразию, но и возможному многообразию будущего. Открытость делает систему образования способной воспринимать новационные тенденции извне, со стороны изменившегося общества, а также сопрягать это внешнее воздействие с внутренними потребностями и возможностями, изменять десятилетиями сложившиеся авторитарные формы преподавания учебных дисциплин и управления образовательным процессом. Внутренние потребности играют определяющую роль в развитии и закреплении новаторских тенденций в образовании. Они позволяют не только откликнуться на изменения в обществе, но и создать преимущественную ориентацию на обеспечение условий для развития личности и обучаемого и преподавателя, раскрытия многообразия их возможностей. Таким образом, откликаясь на многообразие действительности, образование само превращается

во внутренне многообразную систему, элементы которой обеспечивают существование друг друга и достижение единой цели.

Следующая особенность, позволяющая рассматривать образование в аспекте синергетического подхода, – это динамичный, неравновесный характер процессов, **образование – неравновесная система.** Открытость системы образования социуму приводит к появлению в этой системе новаций, увеличению степени внутреннего многообразия. Это обстоятельство формирует ряд внутренних противоречий в системе образования.

Так, противоречие между устойчивостью и изменчивостью вызвано тем, что система образования, призванная транслировать культурные образцы, обладает консерватизмом, и в то же время, являясь элементом социальной системы, образование не может не изменяться в связи с изменениями социума. Противоречие между единством и многообразием выражается в необходимости поддерживать педагогические новации, сохранять единство и общность требований к результатам образовательного процесса, к содержанию образования, представленного, в частности, образовательными стандартами. Противоречие между индивидуализацией и унификацией процесса образования проявляется в стремлении обеспечить каждому обучаемому условия для развития его личности при наличии единых требований к успешности обучения.

Перечень противоречий можно продолжать, но специфика синергетического подхода состоит в том, что эта противоречивость понимается не как недостаток, а как внутренний источник изменения и развития системы образования. Наличие многообразных и взаимоисключающих тенденций в системе образования делает ее чувствительной к воздействиям социума, способной к эволюционным изменениям.

Четвертая особенность образовательного процесса, рассматриваемого в рамках синергетического подхода, заключается в том, что **образование – нелинейная система.** Во всех формах взаимосвязи с обществом система образования сохраняет свою специфику, относительную обособленность и единство. Поэтому реакция системы образования на изменения в обществе не является однозначно детерминированной. Так, система образования не просто отражает изменения в обществе, а производит определенную их селекцию. Поскольку система образования обеспечивает будущее, ее изменения отражают не столько актуальные, сколько потенци-

альные состояния общества. Многообразие потенциальных состояний выражает неопределенность будущего, благодаря чему система образования имеет несколько вариантов своего изменения и открыта не только настоящему, но и будущему обществу. В соответствии с принципами синергетики будущее социальной системы воздействует на настоящее состояние образования.

В соответствии с методологией синергетики содержание образования должно быть многообразно и вариативно, включать в себя как сложившиеся социокультурные образцы, так и элементы приращения культуры, т.е. быть одновременно и устойчивым и изменчивым. Наличие этого и других противоречий в содержании образования делает его многообразным, а значит, динамичным, способным воспринимать изменения социокультурной среды. Благодаря этому содержание образования может быть в соответствии с реальным социальным многообразием. Это важно при смене принципов организации содержания. Пока содержание образования будет определяться через содержание предметов учебного плана, присвоение реального многообразия культуры будет происходить лишь в границах скрытого содержания образования. Изменение предметности содержания образования должно выражать как состояние социокультурной среды, так и потребности самоопределения субъекта в ситуации многообразия и взаимодействия культур.

Как вариант новой предметности можно предложить отношение, субъективный компонент которого определяется как переживание, т.е. эмоционально-личностный способ представленности в субъекте объективного содержания культуры. Ведь определение субъектом себя в культуре и культуры в себе происходит не только через знание, но и через переживание, проживание принадлежности к культуре в специфическом укладе жизни, языке, способах деятельности и общения. В этой ситуации самоопределение субъекта в культуре происходит и помимо института образования. Но отношение как новая предметность образования предполагает и объективный компонент, выраженный как динамическая поликультурная связь, характерная для современных социокультурных процессов. Для включения в содержание институционализированного образовательного процесса этот аспект предметности образования должен быть представлен через субъективное переживание. Такой вариант предметности, безусловно, требует и методологического обоснования, и разработанного методического сопровождения. Он

вполне согласуется с принципами синергетики, поскольку содержит противоречивое единство объективного и субъективного, соотношение которых будет меняться в связи с вариациями содержания образования.

Синергетические аспекты лингвистического образования. В связи с изменением содержания образования изменяется и форма процесса его организации. Принципы синергетики могут послужить методологической основой для моделирования организации и самоорганизации образовательного процесса. Структурированное многообразие отношений между субъектами образовательного процесса назовем образовательным пространством. Отношения между субъектами образовательного пространства обусловлены процессами трансляции информации, поэтому для определения структуры образовательного пространства используем понятие информационного поля как множества источников информации и среды, в которой она распространяется.

Информация рассматривается здесь как характеристика меры упорядоченности отношений элементов системы, как мера снятой неопределенности их поведения. Информационное поле является фрагментом транслированного в образовательное пространство информационного пространства общества, которое представляет собой многообразие форм упорядоченности социальных отношений, законов их функционирования и развития. Образовательное пространство является сферой взаимодействия трех его субъектов – обучаемого, преподавателя и среды между ними.

Вывод Л.С. Выготского о трехстороннем активном процессе – «активен учитель, активен ученик, активна среда между ними» – позволяет рассматривать трехкомпонентное взаимодействие субъектов образовательного пространства как единый процесс целенаправленного формирования личности ребенка, не разделяя воспитание и образование. В этом процессе взаимодействие субъектов образовательного пространства – учителя и ученика – представлено как активное отношение со средой, которую можно рассматривать как информационный компонент образовательного пространства, структурированного так, что он сам оказывает активное воздействие на других субъектов образовательного пространства. Эта структура может быть определена, по терминологии Л.С. Выготского, как «идеальная форма среды», т.е. то содержание культуры,

которое было выработано человечеством в процессе исторического развития [48].

Организованная в образовательном пространстве среда, как совокупность отношений по осуществлению процесса освоения «идеальной формы», несет в себе логику поведения и отношений между субъектами образовательного пространства. В этом заключается активность среды, что позволяет рассматривать ее не только как объект, но и как субъект образовательного пространства. Активность среды создает новое качество системы отношений субъектов образовательного пространства. Среда начинает определять других субъектов, управлять ими, требовать их изменения, проводить селекцию их состояний.

Отношения учителя и ученика представляют собой «перенос порядка», формы организации деятельности ребенка, соответствующих «идеальной форме среды», которая тем самым становится, по выражению Л.С. Выготского, функцией личности ребенка, его внутренним достоянием. В этих отношениях активность ученика проявляется в том, что он отбирает предложенную ему форму порядка в соответствии со своими возможностями, склонностями, создавая к этой форме определенное отношение. Представленность среды во внутреннем отношении к ней ребенка Л.С. Выготский назвал «переживанием», «единицей анализа отношения ребенка со средой». Результатом переживания должны стать такие внутренние изменения, которые вновь потребуют активного обращения к «идеальной форме среды».

Активность учителя заключается в том, что он в соответствии со своими возможностями, интересами и представлениями определяет и предлагает ученику спектр возможных форм упорядочивания способов присвоения «идеальной формы среды». При этом он сам, постоянно варьируя этот спектр, насыщает среду, подбирает оптимальные варианты, тем самым осваивает «идеальную форму среды», делая ее все в большей мере достоянием своей личности. Таким образом, взаимодействие субъектов образовательного пространства, с одной стороны, обеспечивает их единство и общность, с другой – способствует проявлению и развитию их индивидуальности.

Таким образом, образовательное пространство – это динамическое единство субъектов образовательного процесса и системы их отношений, а процесс образования – это процесс последовательно-

го изменения отношений обучаемого и преподавателя с образовательной средой, своеобразный «путь» субъектов образовательного процесса в образовательном пространстве. Такой «путь» мы трактовали как образовательную программу, цель которой определяется направленностью движения субъектов в образовательном пространстве. Тем самым показано, что модель образовательной программы как способа организации образовательного процесса может быть построена исходя из принципов синергетики.

Учитывая цели и задачи обучения, именно в рамках синергетического подхода представляется целесообразным искать методы эффективного усвоения языка и его саморазвития и как знаковой системы, и как дискурсивной практики. Одним из таких методов является метод образного восприятия и мышления. Следует отметить, что какой бы оценке ни подвергалась синергетика, в основе современных образовательных стратегий, как отмечалось выше, лежит образное видение мира, образное осмысление научной проблемы. Образ является не только продуктом эмоционального восприятия, как представляют порой сторонники эмпирической позиции, а синтезом эмоционального и рационального, субъективно-личностного и объективно-содержательного.

В качестве преимущества образного видения предмета имеет значение то, что образ представляет мир объемно (за исключением, конечно, тех случаев, когда имеет место плоскостное отображение явлений). Кстати сказать, одним из приемов операции варьирования (метод обобщающей переформулировки проблемы) как раз является перевод задачи из плоскостного варианта в объемный, стереометрический вид. Другое дело, что образ не очерчивается лишь одной адекватностью, а несет с собой и некое рациональное начало.

Большое преимущество образа также и в том, что он предъявляет целостную картину явления. Понятийное описание линейно, аналитично, и ему не дано взять предмет сразу в совокупности его характеристик, которые можно обозреть лишь последовательностью фиксаций, но не однолинейно, как способен явить образ. Сведущие в области исследовательской мысли считают, что талант отличается от крепкого профессионализма тем, что любую сложную идею он воспринимает как целое, не тратя сил на ее разложение по частям, анализ составляющих и их увязывание.

Среди вспомогательных приемов обращения к образу часто используют моделирование. По определению, модель – это объект-заместитель, конструируемый в целях изучения оригинала, когда последний труднодоступен либо работа с ним требует больших материальных затрат ввиду громоздкости. Оригинал и модель характеризуются отношением сходства и различия, которое определяется мерой подобия. Модель не может быть тождественна оригиналу, ибо тогда нет смысла его моделировать, но модель в то же время должна иметь сходство с изучаемым объектом, в противном случае мы не получим полезных результатов. Этот краткий экскурс к методам моделирования необходим, чтобы перейти к анализу языковых моделей.

Сложно исторически складывается понимание термина «язык». Исследователи насчитывают, например, двадцать семь смысловых вариантов этого термина или, иначе говоря, двадцать семь моделей языка. Вот некоторые из них: язык – исторически развивающееся явление; язык – явление общественное; язык имеет собственные внутренние законы, хотя и тесно связан с обществом. Различные стороны языка развиваются неравномерно. Язык – это своеобразная система систем. Тенденция развития в языке противостоит тенденции к сохранению существующего. Язык в известной мере зависит от физиологических особенностей человеческого организма. Язык как самоорганизующаяся система непрерывно развивается, в нем могут спонтанно организовываться смыслы, и в то же время они социокультурно детерминированы. Это понимание языка как сложной системы, динамичной системы делает целесообразным среди многих моделей языка обосновать продуктивность и адекватность синергетической модели языка. В нашем исследовании обосновывается адекватность выбора такой модели языка, во-первых, природе языка и происходящим в нем процессам развития, во-вторых, задачам обучения языку.

Обобщая сказанное, отметим, что применение синергетического подхода в лингвистике далеко не бесспорно. У этого подхода есть и противники, и сторонники. «Лингвистика пока еще не разглядела сложное соотношение однозначного (линейного) и многозначного (нелинейного) в самой основе языка и мышления... Необходимость новой нелинейной теории языка (синергетики языка) становится все более очевидной. Лингвистике необходимо вырваться из линейного плена», – отмечает А.А. Кобляков [49, с. 327].

В предложенном исследовании мы попытались дать сравнительный анализ традиционной методики преподавания иностранных языков и намечающихся контуров нетрадиционного (синергетического) подхода к языку и его преподаванию на основе синергетической модели языка. Применение синергетического подхода к языку опиралось на параллели: «открытая нелинейная среда – контекст», «спонтанная самоорганизация – процессы синтеза в смыслообразовании», процесс обучения языку – это процесс, слагающийся из усвоения суммы знаний, выявления смысла, межличностного общения, усвоения лексических и синтаксических правил, овладения социокультурными навыками языковой коммуникации и т.д.

Тем самым, прорисовывая контуры проекта «синергетическое движение в языке», мы выявили три его аспекта. Первый обусловлен коммуникативной онтологией языка, где язык предстает как самоорганизующаяся целостность. Второй обусловлен эпистемологией – язык как инструментарий познания, он описывается в контексте проблематики «язык и мышление». Третий связан с методиками обучения языку, синергетикой образования.

Переосмысление содержания лингвистического образования в контексте глобализации и возможность воплощения новых идей в образовательной практике актуализируют поиск адекватных методологических оснований [50]. Такими методологическими основаниями, отвечающими возрастающей сложности и противоречивости содержания лингвистического образования в современном социокультурном контексте, на наш взгляд, могут стать идеи синергетики как междисциплинарного знания, направленного на исследование процессов развития открытых самоорганизующихся человекомерных систем.

Футурологическое измерение, присущее синергетике [51, с. 280], отвечает логике современных размышлений об образовании. В осмыслении актуального состояния образования и перспектив его развития исследователи акцентируют внимание на том, что именно образование, с одной стороны, определило актуальное состояние современного мира, а с другой – обладает наибольшим потенциалом для конструктивного разрешения накопившихся противоречий и предопределения будущего глобального общества в настоящем.

Как уже отмечалось, одной из базовых категорий языкового образования является «языковая картина мира». Ориентация на процессы становления «синергетической картины мира» в практике лингвистического образования позволит моделировать такую образовательную среду, которая будет способствовать становлению в сознании студентов «языковой картины синергетического мира». В различных теоретических и прикладных исследованиях уже накоплен некоторый опыт рассмотрения таких категорий, как «культура», «общество», «язык» и «человек» (являющихся базовыми для лингвистического образования), именно с позиций синергетического подхода:

– история культуры и развития обществ рассматривается как динамика сложных систем [51];

– распространение и связь языков мира рассматривается в качестве существенного индикатора взаимодействий в модели развития человечества как эволюции сложной самоорганизующейся системы;

– язык некоего народа рассматривается как форма «синергетического упорядочивания», как «идеальный конструкт», оказывающий влияние на индивидуальное поведение людей [37];

– язык рассматривается как сложная самоорганизующаяся система в лингвосинергетике, изучающей самоорганизацию дискурса [52];

– процессы синергичности в языке, культуре и в межкультурной коммуникации становятся самостоятельным предметом исследований [53].

Таким образом, можно говорить о наличии теоретической базы для реализации проекта «синергетика и язык» как области гуманитарного (лингвистического) освоения синергетики» [52, с. 8] в лингвистическом образовании. Базовые категории лингвистического образования – «культура», «человек» и «язык» – могут быть включены в поле синергетики как в статике (культура, язык как формы упорядочивания (принципов бытия)), так и в динамике (аспект взаимодействия в свете принципов становления, «коэволюции» родного языка и изучаемого иностранного языка). При этом рассматривать процессы развития этих систем возможно в масштабах культуры целого народа или отдельного человека, мировой языковой системы или определенного языка. Динамические аспекты особенно полно могут быть раскрыты в проблемном поле субордина-

тивного трилингвизма, интерпретируемого нами в лингвистическом образовании как процесс коэволюции сложных открытых систем: человека и соизучаемых языков и культур.

Проиллюстрируем далее возможность интерпретации основных синергетических принципов становления в контексте лингвистического образования.

Принцип нелинейности основан на том, что результат суммы воздействий не равен сумме их результатов. Значимым моментом для практики образования с точки зрения обеспечения его развивающего эффекта является то, что нелинейность определяет возможность как конструктивного, так и деструктивного развития системы. Традиционной основой языкового образования является обучение видам речевой деятельности: говорению, аудированию, чтению и письму. Целью языкового образования является формирование вторичной языковой личности, способной к эффективной межкультурной коммуникации. Обращение к реальной практике обучения иностранным языкам показывает, что способность к осуществлению эффективной межкультурной коммуникации не может рассматриваться как простое сложение речевых навыков и знаний о социокультурных нормах. Овладение студентами указанными навыками в отдельности не является гарантией интегрированного результата, определяющего их способность к продуктивному речепорождению в условиях межкультурной коммуникации.

Согласно принципу незамкнутости открытые системы, взаимодействующие со средой и получающие информацию, способны эволюционировать. Это положение становится особенно актуальным для осмысления перспектив развития человека в условиях становления глобального информационного общества. В настоящее время радикально изменяются характер, формы и интенсивность взаимодействия человека с информационной средой, что определяет возрастающее значение когнитивного подхода в образовательной практике. Практика лингвистического образования предполагает еще большее расширение информационного поля (за счет изучения одного или нескольких иностранных языков), это может оказывать неоднозначное влияние на развитие человека в условиях лингвистического образования.

Неустойчивость как следствие влияния информационного поля является необходимым условием развития человека как сложной самоорганизующейся системы, возникновения ситуации выбора и

генерации новой ценной информации (конструирования нового социогуманитарного знания). Состояние неустойчивости определяет возможность становления нового качества. В контексте образовательной практики точки неустойчивости приобретают, на наш взгляд, особое значение. Это связано с тем, что «только в них можно не силовым, информационным способом… повлиять на выбор поведения системы, на её судьбу» [10, с. 79]. Осмысление этого принципа указывает на основания организации развивающей образовательной среды, способствующей переходу человекомерной системы на более сложный уровень организации.

В синергетическом подходе развитие системы определяется качеством её взаимодействий со средой. В контексте интерпретации идей синергетического подхода в лингвистическом образовании представляет интерес осмысление триады: «культура – образование – человек» на разных уровнях её проявления.

Раскрывая взаимосвязь образования и культуры, имеет смысл обратиться к идее И.Е. Видт о складывании культурно-образовательных сред. Культурно-образовательная среда определяется как ««территория социального наследования», где «смыкаются» характеристики культуры и образования, где признаки культуры репрезентируются в признаки образования, создавая условия для формирования такого типа ментальности, который позволит человеку осуществлять свою социальность в конкретных культурных условиях» [54, с. 66].

Полагаем, что процесс складывания культурно-образовательных сред может быть описан цепочкой «культурная среда» – «образовательная среда» – «человек», опосредованной процессами взаимодействия образования и культуры, человека и образования, культуры и человека. В лингвистическом образовании эта идея интерпретируется нами в контексте разработки и реализации методического сопровождения процесса достижения одной из целей обучения иностранным языкам – становления профессиональной (в том числе и межкультурной) компетентности лингвиста, являющейся необходимым условием осуществления социальности в конкретных культурных условиях.

Синергетические аспекты методического понимания образовательной среды прочитываются нами в определении образовательной среды, предлагаемом Д.В. Ивановым. «Образовательная среда – это область действительности, в которой происходит трансляция

социокультурного опыта и содержатся паттерны такого развития её субъектов, вследствие которого они в состоянии осознанно, самостоятельно и ответственно осуществлять преобразование педагогической системы и самого себя» [55, с. 169]. Способность к конструктивной адаптации в образовательной среде и её активному преобразованию приобретает особое прочтение в лингвистическом образовании. С одной стороны, необходимость адаптации студентов к образовательной среде диктуется образовательными стандартами, а с другой – изучение иностранного языка и культуры, расширяя границы информационного поля, предоставляет студенту неограниченные возможности по преобразованию самого себя и инициированию новых условий образовательной деятельности.

При этом под конструктивной адаптацией в логике синергетического подхода понимается восстановление устойчивости системы и её выход на качественно новый уровень в результате выбора системой конструктивного пути преодоления неустойчивости. Разрешение кризиса или преодоление неустойчивости системы определяется выбором «конструктивного» или «деструктивного» пути [22]. «Конструктивный» путь понимается как переход системы в устойчивое состояние с более высоким уровнем организации, т.е. становление нового качества системы, механизмом которого является самоорганизация, определяющая последующее созидание. «Деструктивный» путь связан с разрушением динамической устойчивости системы, которое реализуется через достижение полного равновесия с окружающей средой (пассивная адаптация).

Отметим, что понимание конструктивности или деструктивности выбранного пути представляется не абсолютным, а относительным и может оформляться в зависимости от актуального уровня развития конкретного студента. В традиционной практике языкового образования, в значительной степени ориентированного на формирование иноязычной коммуникативной компетенции, создаются латентные предпосылки для выбора студентом деструктивного пути, отвечающего методической задаче выработки речевых навыков. Этот процесс может характеризоваться высокой степенью регламентированности и определенностью методической организации. Например, завершенный и алгоритмизированный характер изучения грамматических конструкций и правил, изначально определенный вокабуляр по изучаемой теме или набор речевых клише; культура, представленная в виде определен-

ного набора социокультурных правил вербального/невербального поведения, что соответствует статическому пониманию языка и культуры, которое предполагает фрагментарность и возможную завершенность в их изучении.

Для практики лингвистического образования становится значимым то, что в течение определенного начального этапа соизучения иностранного языка и культуры деструктивный путь в его внешнем проявлении, т.е. овладении различными навыками, является конструктивным и не ведет к потере устойчивости в развитии. Более того, на определенном уровне развития иноязычных речевых навыков этот этап является необходимым, так как конструирует фундаментальную базу дальнейшего языкового развития (собственно языковую подготовку).

Однако внешне конструктивный путь при этом остается деструктивным по своей синергетической природе. Обозначенное латентное противоречие проявляется в тот момент, когда система достигает определенного уровня развития и останавливается на нём или распознает «истинную» деструктивность выбранного пути, а когнитивных ресурсов, позволяющих системе самостоятельно перейти на конструктивный путь развития, оказывается недостаточно. Отметим, что для практики лингвистического образования момент перехода внешне «конструктивного» в «истинно» деструктивное имеет принципиальное значение, поскольку достижение развивающих целей лингвистического образовании возможно только по конструктивному пути.

Конструктивный путь предполагает ориентацию на незавершенность процесса изучения иностранного языка, ориентирован на динамичное представление о языке и культуре во всем многообразии и разнообразии их взаимодействий и контекстов, представление о языке как открытой и сложной системе, становящейся самостоятельным предметом изучения и не сводимой к средству общения, имеющему коммуникативный или инструментальный характер. Существенно, что конструктивный путь предполагает развитие не только студента, но и педагога и самой образовательной среды, т.е. активное взаимодействие всех участников образовательного процесса, осуществляемое через их выбор путей развития и обеспечивающее тем самым динамическое и конструктивное воспроизведение цепочки ««культурная среда» – «языковая среда» – «образовательная среда» – «человек».

Признаваемое исследователями противоречие между сложностью и динамичностью современного мира и недостаточным уровнем готовности выпускников высших учебных заведений к «осуществлению социальности» актуализирует образовательную проблематику разработки методик обучения, ориентированных на повышение эффективности реализации потенциала образовательной среды в развитии определенного типа мышления, позволяющего понять современный мир в его разнообразии и различных временных перспективах. В современных исследованиях по синергетике образования обозначено мнение об актуальности реформы мышления и системы образования. В качестве основы реформы предлагается изменение мышления, формирование сложного мышления на основе синергетического подхода [56]. Под типом мышления, адекватного современному миру и тенденциям его развития, в логике синергетики понимается тип, ориентированный на «становящиеся, хаотизированные, самоорганизующиеся и саморазрушающиеся системы» [57, с. 21].

Понятие «становление», как полагает В.Е. Клочко, «указывает не только на «незавершенность» человека, его индивидуального мира, но и на необходимость «достраивания» и «перестраивания» форм мышления, познания вообще» [56, с. 30]. Понятие «становление» в предложенном понимании, на наш взгляд, адекватно идее образования через всю жизнь, утверждаемой в качестве ориентира модернизации системы образования и незавершенности процесса познания как родного языка и культуры, так и иностранного языка и культуры. «Достраивание» и «перестраивание» можно интерпретировать как связанные с необходимостью созидания «нового» и адаптации уже «имеющегося» в динамичном мире, культуре и языке.

Организация процесса языкового образования с целью формирования вторичной языковой личности, способной к эффективной межкультурной коммуникации, предполагает и ориентацию на формирование определенного типа мышления – лингвистического и толерантного. Практика языкового образования, организованная в русле коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам, в значительной степени ориентирована на формирование лингвистического мышления [58]. В контексте проблематики межкультурной коммуникации особое внимание уделяется формированию толерантного мышления как противоположного ксенофобиче-

скому, затрудняющему или делающему невозможным участие в эффективной межкультурной коммуникации. В этом смысле практика языкового образования согласуется с пониманием образования как важнейшего фактора, который «позволяет преодолеть замкнутость культурных традиций и ценностных детерминант, снижает риски развития ксенофобического мышления и раздвигает поле возможностей человека» [11, с. 340].

Анализ исследований в различных предметных областях в логике синергетического подхода свидетельствует о востребованности реализации функций лингвистического образования в его современной интерпретации в контексте глобализации [50]. Так, С.П. Капица отмечает, что будущее определит необходимость поиска и реализации «новых форм разрешения противоречий, в которых все большее значение приобретает диалог культур и цивилизаций» [8, с. 249] (ценностнообразующая функция). Наиважнейший завет для оформления будущего с точки зрения теории самоорганизации, предложенный В. Эбелингом, в упрощенной форме гласит: «Каждый человек обязан, осознавая ограниченность термодинамических потоков, содействовать поддержанию разнообразия во всех отношениях, начиная с разнообразия биологических видов и кончая разнообразием в этнической, языковой, социальной, духовной и культурной областях» [59, с. 233] (политикообразующая функция). К. Майнцер, размышляя о том, что в информационном обществе человек принимает решения на основании ограниченной рациональности, т.е. в ситуации неполного и неточного восприятия человеком проблем и ситуаций, полагает, что для успешного разрешения возникающих проблем от человека требуется «системное мышление, междисциплинарность и межкультурное понимание» [60, с. 215] (когнитивная функция).

Синергетический принцип наблюдаемости связан с ограниченностью и относительностью наших представлений о системе. В языковом образовании этот принцип интерпретируется нами следующим образом. Процесс изучения иностранного языка в высокой степени индивидуален, зависит от различных факторов как внутренних (мотивация, предшествующий образовательный опыт и актуальный уровень развития, когнитивные стили и используемые стратегии изучения иностранного языка), так и внешних (особенности изучаемого языка, методическое сопровождение процесса его изучения). Методическая организация процесса изучения ино-

странного языка позволяет моделировать образовательную среду, однако социально желаемый и реальный результат не всегда совпадают, а качественная интерпретация самого результата может варьироваться в зависимости от педагогических целей и ценностных установок педагога.

Владение иностранным языком, понимаемое как незавершенный процесс самосовершенствования и профессионального развития личности в условиях глобализации, представляет собой неограниченное пространство возможностей. Способность человека к осознанному выбору конструктивного пути реализации этих возможностей становится актуальной не только в пределах образовательной среды, но и в глобализирующемся мире.

Обращение к идеям синергетического направления позволяет переосмыслить актуальную практику и перспективы развития лингвистического образования в логике понимания человека, языка, образования и культуры как открытых саморазвивающихся систем. Развитие психологической науки в логике историко-системного подхода В.Е. Клочко рассматривает «как закономерное движение психологической мысли с одного «этажа» познания на другие, все более высокие «этажи», с которых по-новому открывается сам предмет изучения нашей науки и по-другому конкретизируются принципы его изучения и категории, в которых фиксируется изучаемый предмет» [56, с. 79]. Полагаем, и развитие теории и практики обучения иностранным языкам можно рассматривать как открытую самоорганизующуюся систему.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, современная социокультурная ситуация требует «немедленного и коренного пересмотра как общей методологии, так и конкретных методов и приемов преподавания иностранных языков» [61, с. 3]. Отказ от «паттернирования» в практике обучения межкультурной коммуникации, отмечаемый Н.В. Барышниковым [62], можно рассматривать как еще одно подтверждение конструктивного движения методической мысли в синергетическом направлении.

Таким образом, синергетическое знание рассматривается нами как возобновляемый ресурс образовательных инноваций, ориентированных на конструктивную, качественную и устойчивую модернизацию лингвистического образования, обеспечивающую сохранение его преемственности и адекватности социокультурной ситуации не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Синергетический подход к осмыслению методического сопровождения процесса обучения иностранным языкам позволяет получить целостное представление о его участниках, обозначает ключевую роль моделируемой образовательной среды и раскрывает качественную сторону динамики личности в условиях лингвистического образования.

Обновленное понимание всего многообразия взаимодействий открытых самоорганизующихся систем в открытой образовательной среде определяет необходимость переосмысления методического сопровождения лингвистического образования и предполагает действенную и ответственную включенность каждого из нас в креативный теоретический и активный практический поиск своевременных и адекватных ответов лингвистического образования на вызовы глобализации.

Выводы

1. В первой главе дан историографический анализ понятия «синергетика», прослежены этапы развития синергетики, поскольку невозможно рассматривать язык как сверхсложную саморазвивающуюся систему без осмысления синергетических процессов в нем.

2. Осуществлен сравнительный анализ функциональной лингвистики и синергетического подхода к языку.

3. Дана характеристика проекта «синергетическое движение в языке», показана его методологическая значимость.

4. Переосмыслено лингвистическое образование с позиции синергетического подхода в логике понимания человека, языка, образования и культуры как открытых саморазвивающихся систем.

5. Показано, что для языка как саморазвивающейся системы средой являются этнокультурные коммуникации, в пространстве которых происходит самоидентификация личности и рождение новых языков. Такая логика изложения позволит во второй главе перейти к анализу дискурсивных практик.

Глава 2

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ЛОГИКЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА: ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА

2.1. Философская модель М.М. Бахтина

Коммуникация ведет к организации общества, а значит, к пониманию, тесным взаимоотношениям и осознанию ценности каждой личности в данном сообществе. Проблемы коммуникации уже сотни лет исследуются в рамках различных областей знаний, начиная с биологии, физики, техники и заканчивая непосредственно лингвистикой. Несмотря на разные установки и подходы к исследованию, неизменным оставалось утверждение о том, что любая коммуникация имеет активный, деятельностный характер. Можно просто сказать, а можно выразить мысль и эмоцию, можно ничего не сказать, а можно многозначительно промолчать, можно долго слушать, а можно услышать многое.

В человеческом обществе коммуникация предполагает «услышанность» и ответность [64]. Более глубокое и всестороннее типологическое исследование порождения и восприятия естественной речи имеет несомненную важность для установления эффективной межкультурной коммуникации. Современная ситуация требует от говорящих, владеющих родным и иностранными языками, понимать не только поверхностный уровень высказывания, но и уметь распознавать глубинные интенции участников коммуникации, определять общий контекст, описывающий лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки, которые определяются «не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [65, с. 63].

В современной науке о коммуникации широко распространена философская модель М.М. Бахтина [63], который создал наиболее общую модель коммуникации, отражающую одну из самых значимых концепций в философии. «Диалог» и «диалогические отношения» – ключевые слова жизни и творчества М.М. Бахтина.

Коммуникативные отношения у М.М. Бахтина – это диалогические отношения, которые ученый определяет как особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки реального диалога, будь то житейская беседа, научная дискуссия или политический спор. Модель, которую можно себе представить исходя из концепции М.М. Бахтина, «работает» и при наличии пространства и времени, отделяющих коммуникантов достаточно далеко. Это, к примеру, может быть диалог современного философа с Платоном или «разговор» собеседников, вообще ничего не знающих друг о друге. Необходимое условие коммуникации – «смысловая конвергенция», требующая ответного понимания, внутреннего согласия [66, с. 320].

При этом диалогические отношения в понимании М.М. Бахтина не могут быть сведены «ни к чисто логическим... ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим) отношениям. Здесь возникают «сложные смысловые отношения особого типа», возможные только «...между целыми высказываниями разных речевых субъектов». Развивая мысль о предельно широком понимании диалога, М.М. Бахтин пишет: «Диалогические отношения предполагают язык, но в системе языка их нет» [66, с. 312].

В настоящее время структура дискурса представляет интерес в рамках бытового диалога для глубокого анализа дискурсивной динамики реплик на более широком языковом материале и прежде всего с точки зрения постепенного перехода от описательного этапа к объяснительному. Это предполагает попытку понять, почему дискурсивная динамика диалога предстает перед наблюдателем в конкретной наблюдательной форме. Это, в свою очередь, предполагает описание возможностей, которыми в какой-либо момент развертывающегося диалогического дискурса обладают его участники. Современный дискурсивный подход исходит из представления о том, что в любой точке развертывающегося дискурса его автор имеет выбор определенного продолжения из ряда возможностей, и факт использования какой-либо из имеющихся у коммуникатора возможностей должен быть объяснен, почему именно эту

возможность избрал в данный момент коммуникатор. Иными словами, это объяснение предполагает, насколько коммуникатор был оптимален в своем выборе данной дискурсивной формы, имея в виду те прагмалингвистические условия, ту фоновую информацию, которая у него была для достижения максимальной иллокутивной силы дискурсивного отрезка.

Современная научная лингвистическая парадигма позволяет взглянуть на диалог с новых позиций и приводит к инновационным исследованиям. Так, работа Моники A. Bednarek «Emotion Talk Across Corpora» [67] предлагает новый взгляд на то, как представители англоговорящей культуры говорят о своих эмоциях и об эмоциях других людей на материале корпусов разговорной речи, литературных произведений и новостных жанров.

За единицу диалогических отношений, выражающихся в речи, М.М. Бахтин принимает высказывание. Высказывание отличается от предложения как единицы языка, поскольку границы высказываний означают «смену речевых субъектов и смену говорящих» [66, с. 302]. Высказывание оформляется в целом «внелингвистическими», диалогическими отношениями. М.М. Бахтин характеризует высказывания как «приводные ремни от истории общества к истории языка» [66, с. 256]. Высказывания, содержащие концепты и константы национальной культуры, входят в дискурс.

Изучение дискурс-анализа и обучение ему вовлекают студентов и преподавателей в исследование и мир открытий о тексте и разговоре. Анализ дискурсивных данных мотивирует студентов рефлексировать и критично оценить те знания, которые необходимы в изучении синтаксиса и семантики, а также естественным образом привлекает студентов к анализу социально ориентированного использования языка. Такой подход дает студентам возможность увидеть, как значение конструируется и передается в дискурсе, и сконцентрироваться на той роли, которую язык играет в социальной жизни.

Процесс обучения дискурс-анализу подразумевает знакомство студентов с необходимыми теориями, связанными с законами внутреннего устройства дискурса, его компонентами и их взаимодействием, вырабатывая у студентов практический навык применения теоретических знаний в условиях реальной коммуникации.

В процессе работы над дискурсивным анализом студенты, получившие базовые знания о языке и его устройстве и функциони-

ровании, выходят в условия реального общения, где многие традиционные правила преломляются, а языковые явления, характеризующиеся в учебных пособиях как исключения, перемещаются с периферии на первый план. Таким образом, в рамках анализа студенты вынуждены пересмотреть и переоценить языковые правила. Анализ реальной речи с научных позиций ставит под вопрос традиционные классификации и представляет языковые явления в новом свете, с новыми функциями, что дает возможность студентам приблизиться к более глубокому пониманию функционирования реального языка.

В современной словообразовательной среде не случаен интерес многих преподавателей к данной дисциплине. Во всех высших учебных заведениях происходит ориентирование преподавания языковых дисциплин в рамках дискурсивной парадигмы. Так, сотрудниками факультета иностранных языков и регионоведения МГУ разрабатываются и предлагаются различные спецкурсы по «Лингвопрагматике и кросс-культурному анализу дискурса в преподавании иностранных языков», «Развитию диалогической и нарративной коммуникативной компетенции у изучающих иностранную лингвокультуру», «Сопоставительному анализу диалогической и нарративной коммуникативной компетенции в различных лингвокультурах».

Дискурс – это реализация коммуникативных функций языка во всем разнообразии их проявлений. Практически все гуманитарные и социальные науки в том или ином виде используют дискурсивный анализ, так как большинство видов человеческой деятельности осуществляется посредством дискурсивных взаимодействий.

Как справедливо отмечает в своих лекциях проф. М.Б. Бергельсон: «Высокий уровень межкультурной коммуникации предполагает адекватное для данной культуры коммуникативное поведение, т.е. уместное для данного дискурсивного взаимодействия использование дискурсивных стратегий. Коммуникативная компетенция – как на родном, так и на иностранном языках – означает знание и владение многочисленными вербальными и паравербальными средствами передачи смысла. Многое в этой сфере требует исследований и описаний, так как соответствующие умения трудно поддаются экспликации и обобщению» [68].

Включение дискурса в контексты научных коммуникаций является одной из важнейших задач философии науки. Данная ориентация научной мысли не только благотворно сказывается на кон-

кретизации лингвистических исследований, но и помогает обратить внимание на основные вопросы в рамках теории и методики обучения иностранным языкам.

Как уже отмечалось, дискурс является объектом междисциплинарного изучения. Помимо теоретической лингвистики с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, но одним из вариантов использования всех данных в совокупности является такое направление лингвистического анализа, как дискурсивный анализ.

2.2. К определению понятия «дискурс»

Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст); именно такое понимание является предпочтительным.

Изначально для многих исследователей дискурсивная деятельность ассоциировалась с устной речью, но и письменная речь в настоящее время рассматривается как зафиксированное свидетельство работы человеческой мысли и отражение опыта человека, деятельность по осмыслению мира и его оценки. За каждым текстом стоит дискурсивная деятельность отдельно взятого человека или же группы людей. Отсюда наблюдается повышенный интерес к дискурсивным исследованиям различных текстов, в особенности медиатекстов.

Дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указания на «среду» ее проявления. Идеально в этом смысле опреде-

ление дискурса, предложенное Н.Д. Арутюновой: «дискурс есть речь, погруженная в жизнь» [69, с. 136].

Динамические характеристики дискурса позволяют называть его сложным коммуникативным событием [70] и одновременно рассматривать его как связную последовательность предложений, которая, в свою очередь, как считает А.П. Огурцов [71], анализируется с точки зрения аналитических кодов, сценариев, установок, моделей контекста, социальных репрезентаций, организующих социальное общение и понимание. Он считает, что Т. ван Дейк иначе сформулировал оппозицию «Текст» – «Дискурс», где текст предстает как обратное поле возможностей, актуализирующихся в различных формах дискурса. Как следствие, текст чрезвычайно близок как к понятию «дискурс», так и к понятию «диалог» [71, с. 112].

А.П. Огурцов выражает общую точку зрения на то, что дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей: говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса. В результате не угасает интерес к анализу диалогической речи и ее дискурсивных характеристик.

Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса. В науке о дискурсе А.П. Огурцов [71, с. 105–106] выделяет две различные группы работ: те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексических средств при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения «он» и соотносит их с теми или иными объектами), а также рассматривают процесс языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса.

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики называются одинаково – дискурсивным анализом (discourse analysis) или дискур-

сивными исследованиями (discourse studies). Хотя языковое взаимодействие на протяжении веков было предметом таких дисциплин, как риторика и ораторское искусство, а затем стилистика и литературоведение, как собственно научное направление дискурсивный анализ сформировался лишь в последние десятилетия. Произошло это на фоне господствовавшей в лингвистике на протяжении большей части XX века противоположно направленной тенденции – борьбы за «очищение» науки о языке от изучения речи. Ф. де Соссюр [46] считал, что истинный объект лингвистики – языковая система (в противоположность речи), Н. Хомский [34] призвал лингвистов изучать языковую «компетенцию» и абстрагироваться от вопросов употребления языка. В последнее время, однако, познавательные установки в науке о языке начинают меняться и набирает силу мнение, в соответствии с которым никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики.

Дискурс (от лат. discursus – беседа, аргумент, разговор, через фр. discource – рассуждение, речь) стал центральным в методологии современной лингвистики. Следует подчеркнуть, что «в классической философии дискурс отождествлялся с рассуждением и характеризовал практику линейного мышления, последовательно переходящего от одного дискретного шага к другому» [71, с. 108]. В современной же лингвистике можно выделить несколько трактовок дискурса, которые объединены стремлением понять связность и целостность суждений, не сводимых к отдельным пропозициям. В XX веке, как справедливо отмечает А.П. Огурцов, из средства описания линейного процесса мышления дискурс превратился в целостную и нелинейную организацию языка и речевых актов. «Лингвистический поворот в философии 20-го века, ее обращение к лингвистическим моделям и методам, различение ею языка и речи, интерес к семантическим и прагматическим аспектам функционирования языка, к анализу семиотической деятельности привели к тому, что она перешла от изучения типов связки в отдельном предложении к осознанию речи как важнейшего компонента взаимодействия людей и механизмов осуществления когнитивных процессов» [71, с. 108]. Следует отметить, что лингвистика, прежде всего лингвистика текста, осознала его целостность, а также обра-

тилась к дискурсам, понимая их как процессуальность порождения новых смыслов.

Помимо этих интерпретаций существует трактовка дискурса как коммуникативного речевого акта, в котором достигается понимание смысла того, что высказал говорящий. Так, М. Фуко в «Словах и вещах» [43] разработал широкое и обобщенное учение о дискурсивной формации как условии функционирования специфических дискурсивных практик со своими правилами, концепциями и стратегиями.

В современной философии трактовка дискурса радикально меняется: дискурс стал пониматься как нелинейная организация речевой коммуникации, где субъекты высказывания могут отличаться от рассказчиков, где взаимопонимание достигается благодаря постижению и оценке Меня со стороны Другого, Другого – Мною. Вслед за А.П. Огурцовым мы выделяем в теории диалогического взаимодействия писателя и читателя различные уровни дискурса, зависящие от повествовательных инстанций (нарратора и автора) и от дискурса персонажей (Его дискурса от Моего дискурса). Тем самым анализ дискурса включает анализ «своего» и «чужого» слова, взаимоинтенциональность и рефлексивность диалога, свидетельствующего о Моем понимании Чужой речи и понимании Другим Моей речи.

Г. Хофстеде [72] и М.Л. Макаров [73] различают в структуре дискурса внешний и внутренний контексты. М.Л. Макаров говорит о том, что дискурс одновременно обращен как к ситуации, так и к типу деятельности субъектов общения, образующих внешний контекст высказывания, а также к внутреннему контексту этих высказываний, рефлексирующих «ментальную сферу общающихся индивидов» [73, с. 147]. Причем внешний контекст, детерминирующий речевое поведение субъектов коммуникации, и внутренний, воплощающийся в содержательном аспекте индивидуальной мировоззренческой и ментальной культуры, представлены в дискурсе как взаимосвязанное единство, раскрывающее смысловое наполнение сторон.

В центре внимания лингвистов оказались проблемы дискурса, понятого как сложное коммуникативное явление, включающее помимо текста и ряд внелингвистических факторов (установки, цели адресатов, их мнения, самооценки и оценки Другого).

Таким образом, в настоящее время в лингвистике дискурс предстает как результат синтеза научной мысли, как сложное образование, состоящее из разноуровневых компонентов, взаимодействующих между собой по определенным, установленным правилам.

2.3. Основные компоненты и характеристики дискурса

Дискурс, как и другие языковые сущности (морфемы, слова, предложения), устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Факт существования языковых правил и ограничений часто демонстрируется с помощью негативного материала – экспериментальных языковых образований, в которых правила или ограничения нарушаются. В качестве примера приведем широко цитируемый небольшой образец дискурса, в котором есть такие нарушения, рассказ Даниила Хармса «Встреча» из цикла «Случаи» [74]. «Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все». «Погруженность в жизнь» этого текста, превращающая его в некоторый дискурс, заключается в том, что он предложен читателям в виде рассказа; между тем ряд важных принципов построения рассказа, которые обычно не осознаются носителями языка, но которыми они хорошо владеют, в этой миниатюре Хармса нарушены (в порядке особого художественного приема, разумеется). Во-первых, в нормальном рассказе должен быть фрагмент, который именуется кульминацией. В рассказе же Хармса есть только завязка, за которой сразу следует заключительная фраза (кода). Во-вторых, адресат рассказа должен понимать, какова была коммуникативная цель рассказчика, для чего он рассказывал свой рассказ (для того, чтобы проиллюстрировать некоторую истину, или для того, чтобы сообщить интересную информацию, и т.д.). Ничего этого из рассказа Хармса не ясно. В-третьих, участники повествования обычно должны упоминаться многократно и выполнять некоторую последовательность действий; такие участники называются протагонистами рассказов. В данном случае рассказ завершается, едва только рассказчик успел ввести участников. Принципы построения рассказа, нарушенные здесь, не являются абсолютно жесткими – напро-

тив, это мягкие ограничения. Поэтому, когда они нарушаются, возникает не непонятный текст, а комический эффект. Однако именно наличие комического эффекта показывает, что существуют некоторые глубинные принципы построения дискурса. Обнаружение этих принципов и составляет цель дискурсивного анализа.

Представляется целесообразным рассмотреть более глубоко точку зрения М.Л. Макарова, который в центр семантического содержания дискурса ставит такие базовые категории, как ***пропозиция, инференция, экспликатура и импликатура, референция, релевантность и пресуппозиция***, так как именно данные категории используются как основные ориентиры непосредственно при дискурсивном анализе. Рассмотрим каждое из указанных понятий подробнее и тем самым попытаемся определить смысловую ткань дискурса.

Пропозиция

Термин «пропозиция» (от англ. proposition – предположение или утверждение, предлагаемое для обсуждения) в лингвистической науке выражается в предложении. В теории дискурса пропозиция реализуется в высказывании, являясь семантическим вариантом «значения истинности».

Другими словами, пропозиция представляет собой некий смысловой вариант высказывания, содержащий его основные семантические черты, которые впоследствии деформируются определенным образом под влиянием развития многих факторов по ходу развертывания дискурса, о которых будет сказано ниже. М.Л. Макаров говорит о том, что «пропозиция признается особой репрезентацией значений, базовой когнитивной единицей хранения информации, играющей главную роль в порождении и интерпретации дискурса» [73, с. 120].

Пропозиция определяется как объективное содержание высказывания, семантическая модель отражения внеязыковой действительности, ситуации в отвлечении от субъективного смысла.

Когнитологи рассматривают пропозиции как главные «форматы» знания и полагают, что в сознании человека хранятся не только репрезентации отдельных явлений, но и достаточно устойчивые объединения или же ассоциации одного концепта с другим: рядом с гештальтами существуют группировки концептов при ясном осоз-

нании отдельности каждого из них [75]. Пропозиция в качестве единицы репрезентации понимается как своеобразная ментальная структура, отражение некоторой ситуации и типов отношений в ней, обобщенных и организованных в нашем сознании [73, с. 120].

Инференция

Не менее значительным элементом дискурса, напрямую связанным с рассмотренными выше характеристиками слова, предстают так называемые инференции (от англ. inference – вывод, заключение) – когнитивные операции, "в ходе которых и слушающим, и нам, интерпретаторам дискурса, лишенным непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове и «душе» говорящего, приходится додумывать за него», получая таким образом выводное знание [76].

В специальной литературе иногда проводят знак равенства между логическими умозаключениями и инференцией. Мы же пытаемся развести эти понятия, вводя иностранный термин именно для того, чтобы подчеркнуть иное содержание его в отличие от логического понятия (типичным случаем логического умозаключения является решение силлогизма). Инференцией можно считать операцию обыденного сознания, в своей основе рационального, но в то же время не столь связанного с формальными способами доказательства истины. Инференция сопряжена с догадками на базе имеющегося опыта, с интуицией [76].

Инференция представляет собой такую мыслительную (когнитивную) операцию, которая позволяет человеку выходить за пределы буквального значения единиц, видеть за анализируемой языковой формой большее содержание, чем зафиксировано ее отдельными частями. Это операция извлечения смысла или информации из текста или дискурса, которые в них, казалось бы, напрямую непосредственно не представлены.

Возможности выведения подобных заключений заинтересовали прежде всего тех, кто занимался искусственным интеллектом, и правила инференции изучались, соответственно, не столько лингвистами, сколько специалистами в названной области знаний или же разработчиками вычислительных машин. В конечном счете, однако, все, кто занимался проблемами понимания дискурса или текста, вынуждены были признать, что неотъемлемой чертой

подобного понимания оказывается сама необходимость выводного знания, т.е. извлечение сверхтекстовой или затекстовой информации. Способность к получению этой информации ярко проявляется уже у детей.

Операция семантического вывода (инференции) заключается, следовательно, в том, чтобы, используя наличествующие в дискурсе или тексте реальные языковые формы, выйти в их «прочтении» за их пределы, т.е. определить, что из них следует или же вытекает. Ясно, что такая когнитивная операция требует опять-таки и знаний о мире, и знаний языка, и знания ситуации (контекста). Весьма интересной проблемой исследования инференции могла бы стать проблема дифференциации этих типов знаний в процессе реального понимания текста и перехода от простого понимания его значения к более глубокой его интерпретации. Хотелось бы также подчеркнуть, что инференция оказывается необходимым звеном при восприятии текста еще и потому, что она как бы восстанавливает его связность: означает понимание причинно-следственных связей, отношений таксиса и того, что в самом тексте пропущено или свернуто.

Г.П. Грайс [77] приводит классификацию инференции, распределяя когнитивные процессы обработки интерпретируемого дискурса на формально-логические и вероятностно-индуктивные инференции.

Формально-логические инференции – когнитивные операции, основанные на том или ином типе умозаключения. Г.П. Грайс к данному типу инференции относит логическое следствие, семантическую пресуппозицию (уместное в определенном контексте и верно простроенное в языковом отношении суждение), конвенциональную импликатуру. Формально-логические инференции служат для оформления логической правильности дискурса при помощи необходимого языкового инструментария по правилам данного языкового кода и не зависят от разворачивающегося по ходу дискурса сценария, обладают свойством неустранимости под действием контекста.

Вероятностно-индуктивные инференции легко устранимы добавлением нового высказывания, т.е. расширением контекста. Как считает М.Л. Макаров, основанием для них служат «различные аспекты внутреннего и внешнего контекста, знания социокультурного характера, когнитивные структуры всех уровней, отображающие

опыт деятельности в аналогичных ситуациях, элементы перцепции, нормы, правила и принципы языкового общения…» [73, с. 126]. Этот тип инференции заключается в догадке о семантике последующего контекста дискурса путем определения его пропозиций, несущих главное значение сообщаемого, и построения на этом основании общего смысла дискурса.

М.Л. Макаров выделяет две стадии вероятностной инференции:

1) формирование гипотезы, «творческого процесса, использующего рассуждение по аналогии»;

2) подтверждение гипотезы путем проверки, основывающейся на процессах, «имеющих доступ ко всем типам знаний и широкой контекстуальной информации» [73, с. 127].

М.Л. Макаров выводит закон развития дискурса, заключающийся в том, что происходит постоянная сверка выводов, интерпретаций, ассоциаций, правдоподобных догадок с вновь поступающей из самого дискурса и внешней ситуации общения информацией, их адаптация, модификация и в случае необходимости – устранение или замена.

Экспликатура и импликатура

Важными компонентами дискурса являются такие понятия, как экспликатура и импликатура. В теории дискурса они разграничиваются по двум направлениям: как «буквальное значение языкового выражения» и «подразумеваемый смысл этого же выражения в дискурсе» (т.е. то, что имеется в виду говорящим). Первая сторона реализуется в понятии экспликатуры (от англ. explication – детальное, четкое объяснение или толкование написанного или услышанного; эксплицитный – значит, по Ахмановой, имеющий открытое выражение), которая играет важную роль в коммуникации. Мысль или конкретное суждение автора, или, выражаясь терминами М.Л. Макарова, актуализованная пропозиция не может реализоваться только посредством языковых единиц в составе определенного высказывания. «Выраженная в высказывании пропозиция» (мысль) «не кодируется полностью» при помощи лингвистических средств, «ее извлечение напрямую зависит от языковых значений произнесенных слов». Выраженное в высказывании суждение – это и есть, по Макарову [73, с. 123–128], экспликатура.

Импликатура (от англ. implication) – это то, что подразумевается, на что намекается, другими словами, подтекст высказывания говорящего (имплицитный Ахмановой понимается как невыраженный, т.е. подразумеваемый). Макаров различает импликатуры двух видов: конвенциональные, которые определяются значением использованных слов, т.е. когда говорящий простраивает каузативное отношение объектов путем традиционных языковых средств (порядком слов, союзом и т.д.), и коммуникативные, изучение которых представляет больший интерес с точки зрения процесса общения. Коммуникативные импликатуры «определяются отклонениями от предполагаемого и подразумеваемого соблюдения ряда принципов общения». М.Л. Макаров приводит главный принцип – принцип кооперации, раскрывающийся в том, что коммуникативный вклад участника общения должен соответствовать принятой цели обмена коммуникативными действиями [73, с. 129].

Следующей базовой категорией дискурса выступает ***релевантность*** (от англ. relevance – уместность) – «семантическое соответствие локальной теме предыдущего хода в дискурсе». Каждое дискурсивное высказывание должно быть уместно в контексте предыдущего и последующего речевого действия и сообщения. В процессе речевого общения участники коммуникации совершают различные инференционные операции по извлечению из памяти, модификации и обработке большого числа пропозиций, формирующих основу для осмысления вновь поступающей информации. Но некоторые пропозиции могут быть извлечены из контекста, логика которого должна учитывать не только значение пропозиций, но и их взаимодействие, включающее возможность изменения «пропозиционального состава контекста, каузативные связи, вероятностное прогнозирование дальнейшего развертывания контекста и т.д.» [73, с. 131].

Термин ***«пресуппозиция»*** (от англ. presupposition) означает суждение, выводимое из данного высказывания по правилам истинности и уместности, т.е. пресуппозиция – это смысловой компонент высказывания, характеризующийся семантической правильностью и контекстуальной уместностью, что уже было упомянуто выше. Явление пресуппозиции когнитивно предшествует высказыванию. Для того чтобы понять высказывание, необходимо иметь большой объем социокультурного знания о мире в пресуппозиции. Без этого знания невозможно определить когерентные отношения между

предложениями и организовать макроструктуру. Макроструктура – это структура, создаваемая пользователем языка для того, чтобы организовать репрезентацию текста в памяти, она представляет, как говорящие понимают то, что является наиболее важным в сообщении, т.е. что является топиком высказывания и как пользователи языка могут компрессировать информацию.

Так, Шэнк и Абельсон (Schank and Abelson) разработали теорию скриптов ‘scripts’ – абстракции, при помощи которых люди организуют свои знания о стереотипных ситуациях, таких как поход за покупками, ужин в ресторане. Для того чтобы понять высказывание, пользователи языка активируют один или несколько скриптов и используют релевантную информацию в конструировании репрезентации текста в эпизодической памяти. Другими словами, имплицитная информация и инференция в дискурсе представлены в виде ментальных моделей, которые разъясняют понятие пресуппозиции как пропозиции в модели, которые не выражены в дискурсе.

Референция

Ключевым понятием любого высказывания, по нашему мнению, изначально предстает референция.

Известно, что слово «референция» (reference) в переводе с английского языка означает ссылку на источник информации. Традиционный подход лингвистики к раскрытию понятия референции сводится к определению данного термина как отношения между словами и объектами, «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности» [73, с. 121]. Современный интенциальный подход к референции делает в традиционной парадагме «слово – объект» акцент на намерении говорящего. Речь идет о том, что «не слово, а говорящий намеренно на объект употребляет нужное языковое выражение». Таким образом, он «вкладывает референцию в выражение, совершая акт референции».

Референция не является характеристикой языкового выражения, но человек использует это языковое выражение в соответствии со своей интенцией. М.Л. Макаров указывает на отношение интерсубъективности, которое заключается в идентификации образов и объектов адресата с образами и объектами говорящего. То есть в

основе референции лежат категории «коммуникативной установки говорящего, его интенции, отношения высказывания к контексту и т.д.» Макаров подразделяет референцию на три вида: идентифицирующую, интродуктивную и неопределенную. Идентифицирующая референция возникает в случае, «когда говорящий и адресат предварительно знают об объектах референции» [73, с. 121]. Интродуктивная референция предполагает введение известного для говорящего, но нового для адресата объекта. Неопределенная референция устанавливается, когда объект неизвестен ни говорящему, ни слушающему.

Таким образом, референция рассматривается как совместное коллективное действие всех участников общения, направленное на установление или поддержание отношения интерсубъективности как важнейшего, по утверждению Макарова, элемента языковой коммуникации. Другими словами, акт референции как совместное действие, как «аспект проявления коммуникативного сотрудничества» позволяет «распознать личностно обусловленные смыслы в социальном контексте» [73, с. 122].

Необходимо отметить, что приведенные выше компоненты дискурса не представляют исчерпывающий список. Рассмотрение именно данных категорий связано с их релевантностью к предлагаемой в данной работе модели дискурсивного анализа.

Ментальный лексикон

Следующая категория дискурса связана со способностью человека хранить в своей памяти и мгновенно извлекать из нее огромное количество нужных слов в процессе постоянного общения. Обычно человек задумывается над этим вопросом только в том случае, когда в процессе общения он не может вспомнить нужное слово и употребляет другое слово, близкое по смыслу. Однако по большей части мы говорим без особых затруднений, ежедневно используя тысячи слов, как правило, не зная, как мы с этим справляемся. Дж. Эйчисон [78, p. 4] сравнивает устройство словарного запаса человека со звездным небом, поскольку на первый взгляд звезды разбросаны в нем хаотично, хотя на самом деле их движение подчиняется строгим природным законам, которые скрыты от простого наблюдателя. Она также считает, что слова не разбросаны беспорядочно в нашем сознании, что они образуют сложную сис-

тему, внутренние принципы которой могут быть обнаружены. Эйчисон подтверждает факт системности слов в памяти человека тем, что человеку удается их подобрать за доли секунды. Это, очевидно, происходит потому, что средняя скорость речи составляет шесть слогов в секунду, т.е. примерно три слова. Эксперимент, подтверждающий эту цифру, показал, что носитель английского языка может распознать слово за двести миллисекунды или быстрее, примерно через 1/5 секунды после начала его произнесения. Зачастую слово распознается еще до того, как прозвучит полностью.

Таким образом, по Эйчисон, огромное количество слов в словарном запасе человека и высокая скорость оперирования ими подтверждают наличие системной организации хранилища слов, которое она называет «ментальным лексиконом».

Следует отметить, что устройство ментального лексикона отличается от устройства словаря и по структуре, и по содержанию. Действительно, слова в словаре расположены чаще всего в алфавитном порядке, ментальный же лексикон допускает неалфавитную систему расположения и оговорки в речи. Оговариваясь, человек подменяет слово сходным по форме или по содержанию. Такие факторы проявляют природу связи между словами ментального лексикона. Что касается содержания, то состав словаря фиксирован и постоянен, слова в нем можно подсчитать, а их количество может изменяться только с новым изданием. Более того, словари часто не включают новые слова, возникшие недавно в устной речи. Ментальный же лексикон отличается от словаря своей гибкостью, текучестью; его состав постоянно изменяется: одни слова появляются, другие забываются. Более того, он постоянно творит новые слова, объединяя форму с содержанием во время производства речи. И это сближает его с дискурсом, нам представляется, что его можно рассматривать как разновидность дискурса.

Следует помнить, что главное отличие ментального лексикона от словарей состоит в том, что в нем хранится во много раз больше информации о каждом слове, чем дано в словаре. Каждое слово в словаре изолировано от других слов, в то время как в ментальном лексиконе они существуют в совокупности всех связей с другими единицами (синонимия, антонимия, сочетаемость, омонимия и др.).

Часто ментальный лексикон называют словарным запасом человека, но до сих пор не было обращения к такому принципиальному вопросу, как «что такое слово?», т.е. к определению слова.

Каждый думает, что знает, что такое слово, но дать точное определение данного термина крайне проблематично. Более того, как отмечает Эйчисон, еще не доказано, что единицей ментального лексикона является целое слово. Известно, что в истории языкознания было выдвинуто до 100 различных критериев определения слова, в основе которых лежали графические, фонетические, структурные, синтаксические, семантические и системные принципы. Общепризнанным считается положение Ф. де Соссюра о том, что «…слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющая нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [46, с. 27].

Центральное место слова в системе языка обусловлено тем, что все составные языковые единицы так или иначе рассматриваются по отношению к слову. С внешнелингвистической точки зрения реальное положение слов в языке определяется, с одной стороны, тем, что посредством слов осуществляется связь человека с окружающим миром, а с другой – слово является строительным материалом (по выражению Л.В. Щербы, кирпичом) языковых высказываний, с помощью которых осуществляется общение. По мысли А.А. Залевской, «…становление и функционирование единиц лексикона требует параллельной тройственной категоризации опыта по линии знаний о мире, языковых знаний и эмоционально-оценочных параметров, что обусловливает изначальную включенность слова как достояния индивидуального сознания в триединый – когнитивный, языковой и национальный – контекст» [79, с. 311].

Слово, по А.А. Потебне, должно рассматриваться как «…внутренне необходимый орган мысли, как средство добывать мысль из материала восприятий. Он считает, что внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию: она показывает, как представляется человеку его собственная мысль». Б.М. Гаспаров в своем рассуждении идет дальше: «В процессе речевой деятельности извлекаемые из памяти фрагменты языковой ткани модифицируются, адаптируясь друг к другу. Феномен, который можно назвать «владение языком», состоит в способности относительно успешно ориентироваться в напластованиях разнородных компонентов и их непрерывных пластических изменениях, чтобы создать … успешные языковые произведения, «чтобы между общающимися могло возникнуть ощущение языкового контакта и

обмена» [81, с. 14–15]. Безусловно, эта мысль Гаспарова может быть основополагающей и в теории развития дискурса.

О динамичности слова как единице дискурса говорит и Л.С. Выготский: «…при усвоении звуковой оболочки слова «лексемы» значение слова не усваивается в готовом виде, а развивается… В момент усвоения нового слова процесс развития соответствующего понимания не заканчивается, а только начинается … семантика слова у субъекта не константна; оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование» [82, с. 469]. Он также образно сказал о тесной связи слова и сознания: «Сознание отражает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [82, с. 504].

Е.С. Кубрякова развивает далее мысль о слове и ментальном лексиконе, говоря о том, как много хранится в памяти готовых синтаксических конструкций, клише разного рода, развернутых фразеологических оборотов и т.д. «Речь идет действительно о том, что во внутреннем нашем мире хранятся некие единицы, что они образуют своеобразный словарь и что описывать его легче всего, идя от слова, т.е. группируя единицы вокруг слова». Теорию внутреннего лексикона мы и строим, исходя из мысли о центральности слова для всей его организации, полагая, что весь комплекс сложных проблем, относящихся к устройству и объединению структур знания о языке внутри нас, можно распутать, рассуждая о природе слова и его статусе в системе языка [76, с. 327].

В контексте междисциплинарных связей особенно оригинальным представляется рассуждение Е.С. Кубряковой о не делении системы языка на лексику и грамматику в русле существующей традиции, а об их органичной связи и известной условности границ между ними. Она считает, что правомерность такой точки зрения на соотношение лексикона и грамматики становится особенно ясной при обращении к проблеме языковых способностей человека, при изучении речевой деятельности говорящих, при исследовании речевой деятельности по порождению и восприятию речи. «Именно в связи с этим и возникают вопросы о том, что представляют собой вербализованные знания, знания о языке и знание языка, в каком виде существуют эти знания в голове человека, как упорядо-

чены и стратифицированы эти знания и каковы принципы этого распределения» [76, с. 333]. Автор делает вывод, что решить эту проблему силами лингвистики невозможно. Нужен междисциплинарный эффект, и здесь она не случайно прибегает к мнению Н. Хомского [83], который считает, что лингвистика слишком долго занималась языком «внешним», «экстериоризованным языком», поэтому наступило время заняться «внутренним», «интериаризованным языком внутри нас», т.е. понять, как отражен в голове человека внешний язык. Так, ссылаясь на П. Тагарда, Е.С. Кубрякова [76, с. 332] определяет ментальный лексикон как совокупность слов и концептов, репрезентированных в сознании.

В этом смысле Кубрякова близка к теории Дж. Эйчисон [78], известного американского ученого, которая характеризует ментальный лексикон жесткими фреймами, т.е. фиксированными представлениями о той или иной вербальной реалии, в структуру которой могут встраиваться детали, возникающие в каждой конкретной ситуации из невербализованной структуры ментального лексикона. Она считает, что фреймовые структуры выстраиваются в сознании человека ситуативно. По мнению Дж. Эйчисон [78, p. 10], точная специфика ментальных моделей, которые, очевидно, существуют в человеческом сознании, до сих пор находится далеко за пределами нашего познания. Она также справедливо считает, что человек имеет дело не с отдельными словами, а со словами в их взаимосвязи. В этом случае автор предлагает обратиться к теории семантической сети, проливающей свет на способ связи слов. Она представляет эту связь в виде огромной многомерной паутины, в которой каждая лексическая единица взаимосвязана с определенным числом других единиц.

Рассматривая основополагающие связи между словами, Дж. Эйчисон приходит к выводу, что нельзя упускать из вида особенности классификации слов на части речи. В целом следует отметить, что слова трех главных частей речи – существительные, глаголы и прилагательные – тесно связаны между собой, при этом каждый из этих классов слов имеет свою специфическую организацию.

«Невозможно точно определить, сколько классов слов содержит ментальный лексикон, но наблюдается большое различие в организации и функционировании двух категорий слов: первые

составляют «собственно лексикон», вторые же служат для связи слов в предложении» [78, p. 14].

Актуальным в современных исследованиях ментального лексикона является вопрос о том, существуют ли слова как целые лексические единицы в ментальном лексиконе или же он хранит морфемы, из которых каждый раз составляются необходимые слова. Давая обзор разных точек зрения, Дж. Эйчисон делает вывод, что флективные элементы присоединяются к основе слова в процессе речи, а основа, включающая словообразовательные префиксы и суффиксы, входит в ментальный лексикон целиком. Несмотря на то, что слово в ментальном лексиконе цельно в основной своей части, говорящий может при необходимости разобрать его по составу, используя альтернативный морфемный запас в качестве инструментария, а также использовать при производстве новых слов.

Рассмотрев связь с ментальным лексиконом единиц синтаксического, лексического и морфологического уровней языка, Дж. Эйчисон обращается к проблеме бытования в ментальном лексиконе звуковой оболочки слов.

«Следует принять во внимание, что многочисленные психолингвистические эксперименты позволяют сделать вывод, что звуковая оболочка отдельных частей слов запоминается человеком не одинаково. Звучание начала, конца слова и частей слов, имеющих общий ритм, более глубоко запечатлевается в сознании» [78, p. 17].

Кроме этого, внутри самих слов существует слоговая структура, причем в каждом слоге первый звук – согласный – закреплен недостаточно прочно. Это может способствовать оговоркам (brain – drain; profession – procession; medication – meditation). Сходные звуковые сегменты имеют сходство значения, т.е. относятся к одному и тому же классу слов (см. схему по Дж. Эйчисон):

hygroscope		thermometer	
hygrometry		barometer	
	hydrogen		hygrometer
	hydrophobia		hydrometer
	hydrofoil		

При обсуждении слов в ментальном лексиконе она обращается к процессу создания новых слов, т.е. практически речь идет о постоянном движении в языке, его изменении. Совсем недавно лин-

гвисты осознали, что подобные изменения – это ключ к пониманию процесса образования новых единиц, к пониманию коммуникативной природы языка. В нашем представлении это дает основание понимать язык как саморазвивающуюся систему.

Ментальный лексикон используется в качестве инструментария при создании новых слов. Основные способы словообразования в английском языке – сложение, конверсия и аффиксация – достаточно гибкие, они могут быть основой создания самых различных лексических единиц. Более того, лексический инструментарий работает не изолированно; в процессе образования новых слов используется базовая информация о каждом слове, содержащем элементы, которые войдут в состав нового слова.

Автор приходит к выводу, что ментальный лексикон не является словарем с фиксированным количеством слов и данных о каждой единице. Это активная живая система, где постоянно происходит установление новых связей.

Еще в ранних своих работах Р. Джекендофф (R. Jackendoff) писал о том, что «должны существовать такие уровни ментальных репрезентаций, на которых информация, передаваемая языком, сопоставима с информацией, полученной другими периферийными системами: зрением, слухом, запахом, моторикой. Если б не было таких уровней, нельзя было бы использовать язык для описания сенсорных ощущений. Точно так же, для того чтобы отразить факт способности людей выполнять приказы, нужен такой уровень, на котором лингвистическая информация совмещается с информацией, тут же передаваемой двигательной системе» [84, p. 51]. Но как мы делаем это? Значимость лексикона заключается поэтому не только в том, что в памяти человека хранятся самые различные по своей форме и содержанию единицы, обеспечивающие в своей комбинаторике нормальную речевую деятельность, но и в том, что среди этих единиц фигурирует такая удивительная и всемогущая единица, как слово.

Главный вывод, к которому приходят когнитологи в связи с обсуждением рассматриваемой проблемы, заключается в том, что «значение (слова) может вести вас ко всему тому, что вы знаете о величине, обозначенной данным словом, то есть служить доступом к энциклопедической информации в долговременной памяти человека» [76].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «оценивая сказанное психологами, нельзя не подчеркнуть, что их выводы – это выводы всей традиционной лингвистики, только сформулированные в более современной форме. Ведь к сегодняшнему дню не только традиционной, но и современной лингвистикой накоплен огромный опыт по изучению слова, а следовательно, подавляющее число свойств его строения, семантики, функционирования, статуса и т.п. хорошо известны» [76, с. 340]. По этому поводу Н.Ю. Шведова пишет: «Слово – самая сложная единица языка. Суммируя кратко то очень многое, что уже сказано в разное время разными исследователями по поводу этой сложности, можно назвать следующие факторы...» [85, с. 6]: в слове отражены черты истории, оно относится одновременно и к реальному миру вещей, и к мышлению, и к другим единицам языка; в нем сочленены означающее и означаемое; оно демонстрирует одновременно и звуковую, и морфологическую, и семантическую структуру; оно является единицей двух систем – лексической и грамматической; оно участвует в акте коммуникации, вступая в межсловные отношения, и, возможно, в одно и то же время и «служит», и «знаменует» (обозначает, называет) и т.д.

В лингвистике категории «значение» и «смысл» отнесены к самому имени, к языковому знаку. Смысл зависит от позиции и отношений слов в контексте. При помощи называния «...выделяется некоторый предмет (под предметом подразумевается все, о чем можно сказать) в его отношении к другому предмету» [86, с. 115]. Так как в процессе коммуникации передается новая информация, значение слов может постоянно меняться. Благодаря контексту возникают «смысловые сдвиги». Одно и то же предметное содержание слова может пониматься по-разному не только разными народами, но и «разными индивидуумами... в сфере народа» [87, с. 19].

Значение слова непостоянно. Оно изменяется в ходе развития мысли в зависимости от контекста. Смысл слова представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову.

Смысл слова, таким образом, «...оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи…». Смысл в контексте больше и меньше значения изолирован-

ного слова. «Слова могут менять свой смысл – смыслы могут менять слова» [48, с. 284–285].

Нестабильность природного и культурного миров, их постоянные изменения во времени порождают все новые и новые подходы.

Таким образом, слово может активизировать сложнейшие структуры нашего мозга по любой из намеченных линий, т.е. индуцировать своим появлением (как во внешней, так и во внутренней речи) целые пакеты гетерохронной и гетерогенной информации. Такие сложнейшие феномены, как память слова, его способность служить источником звуковой символики (в том числе рифмы), ассоциаций по значению и форме, его потенциальная возможность быть разложенным на более мелкие части и, напротив, послужить базой для формирования сложных комплексных комбинаций, – все это и многое другое разрешает выйти «через слово» к категориям более высокого порядка, как лингвистическим, так и экстралингвистическим.

2.4. Методологические основы дискурс-анализа

Дискурс-анализ представляет особый интерес для преподавателей-лингвистов, постоянно размышляющих над вопросом: как люди пользуются языком? Дискурс-анализ возник на базе целого ряда дисциплин, включая лингвистику, социологию, психологию, антропологию и др. Все эти дисциплины объединены общим интересом к языку в его развитии, в узусе, их интересует, как реальные люди используют реальный язык в различных ситуациях, т.е. функциональное видение языка, им интересна проблема смысла, реализуемая в контексте. Этому уделял внимание Х.П. Грайс [77]. Он выдвинул несколько принципов, которых следует придерживаться при разговоре (например, «говорить по делу», «быть правдивым)».

Обращаясь к истокам дискурс-анализа, следует упомянуть, что Зеллинг Харрис опубликовал статью «Дискурс-анализ» [88] еще в 1952 году. Он исследовал распределение лингвистических элементов в больших текстах и связи между текстом и его социальной

ситуацией, хотя его статья еще весьма далека от того дискурс-анализа, к которому мы привыкли в наши дни.

Для более глубокого понимания термина «дискурс-анализ» следует обратиться к аналитической исследовательской программе – программе, с которой берет свое начало новоевропейская наука XVII века. Так, философ А.П. Огурцов, анализируя дискурс-анализ как метод познания, пришел к выводу, что «этот метод универсализировался и превратился в методологическую программу» [71, с. 84]. Он подчеркивает, что анализ – разложение/расчленение есть процедура реального и мысленного расчленения предмета, явления или процесса на составные части, элементы, свойства, функции и подсистемы и их взаимоотношений. Процедурой, обратной анализу, естественно, является процедура синтеза, т.е. объединения выделенных с помощью анализа элементов.

С помощью анализа дискурса лингвистика и философия стали ориентироваться на смыслы, которые существуют для человека в актах его взаимодействия с другими людьми, обратились к абстрактно значимым и строго однозначным понятиям, к концептам, функционирующим в актах коммуникации и в дискурсах.

Для того чтобы показать, как эти подстрочные значения относятся к тексту, Т. ван Дейк [89] предлагает подвергнуть анализу ***когнитивный, социальный, политический и культурный контексты*** сообщений. Когнитивный подход основывается на том факте, что тексты не имеют смысла, но смысл образуется в сознании носителей языка. Другими словами, нам нужно «разобрать по частям» когнитивные представления участников как в процессе производства ими реплик, так и во время осознания, понимания и запоминания сообщений. Т. ван Дэйк называет две ментальные структуры, здесь участвующие: 1) понимание текста, значение самого текста, присутствующее в памяти как текст-представление, и 2) сами носители языка, которые имеют уникальное, личное представление о ситуации, событии. Это знание-представление в памяти участника дискурса Т. ван Дэйк называет ситуационной/событийной моделью. «Переваривая», осмысляя событие, описанное в тексте, мы строим ментальную модель этого события, о которой будем более подробно говорить позже. Эта модель не только выражает информацию, представляемую через текст, она также содержит много другой информации об этом событии. Примечатель-

но, что эта информация не выражена в тексте, предполагается опора на соответствующие знания. Часть этой информации возникает из так называемых культурно-очерченных сценариев, конвенциональных знаний, представлений о хорошо известных эпизодах социальной жизни. Кроме того, по мнению Т. ван Дэйка, люди имеют специфическую ментальную модель настоящего коммуникативного контекста, так называемую контекстуальную модель, которая включает информацию о целях дискурса, его коммуникативных актах и особенностях аудитории. Мы видим, что модели событий в памяти не только характеризуют знания, но также мнения о событии и их участниках. Много оценочных подоплек текста сейчас может быть объяснено посредством внимательного «препарирования» в описании ментальных моделей участников коммуникации.

В античной философии анализ рассматривался как метод выявления исходных начал. Для Аристотеля анализ – это путь познания от рода ко все более нижележащим видам и от них – к исходным началам. Анализ представлен у Аристотеля как процедура разделения и перехода от вещей, которые «ближе к чувствам», к началам, далеким от чувственного восприятия. Он проводил различия между смесью, где составные части существуют потенциально и могут быть выявлены в анализе, и синтезом, где они смешаны, но не связаны. Метод анализа стал доминирующим в науке и философии Нового времени и ядром аналитической методологии. Еще Ньютон, подчеркивая единство анализа и синтеза, усматривал в анализе способ перехода от соединений к ингредиентам, от движений – к силам, от действий к их причинам. Если говорить о языке, то следует четко представлять, что анализ возможен лишь благодаря существованию знаков. При исследовании языка прежде всего как знаковой системы следует учесть, что язык находится в постоянном движении. Язык, на котором мы сейчас говорим, – это продукт поколений, которых уже нет в живых, а мы формируем язык для будущих поколений. Язык претерпевал изменения в нескольких аспектах: грамматическом, фонетическом, синтаксическом и т.д.

Мы придерживаемся точки зрения Радислава Петровича Мильруда [90], что в грамматике язык рассматривается особенно убедительно как сверхсложная система: стихийная, саморегулирующаяся, самообновляемая в условиях интенсивной коммуникации, социального познания и игрового решения.

Традиционно грамматика рассматривается как некий языковой порядок, определенный своими правилами, структурами и исключениями языковых норм как в системе, так и функционировании средств языка.

Проблема языкового порядка классически рассматривается с позиции нескольких подходов:

а) дескриптивный подход – описание языка во всей его реалистичности, например явление коллокаций в языке, сочетаемость отдельных слов при переходе из одной категории в другую;

б) функциональный подход – описание языкового порядка – от значения к форме;

в) прагматический подход – описание языка по формуле «значение + форма + смысл».

Языковой порядок анализировался с позиции «ментальной» лингвистики, где язык рассматривается как функция мозга, тончайший инструмент человеческого познания, который не может порождать ничего беспорядочного. В рамках этой позиции был предложен термин «универсальная грамматика», т.е. порядок, присущий всем разновидностям естественного языка человека [90].

С позиции коммуникативной лингвистики обнаружились множества примеров «неграмматических форм». Возможно, это связано с употреблением их в среднеанглийский период. Попытки увидеть системность языка дополнились исследованиями в когнитивной лингвистике, где ментальные модели окружающего мира (концепты, категории, прототипы, фреймы, скрипты и «схематы») являются моделями репрезентации мира. Следовательно, доказывается особая когнитивная упорядоченность репрезентации знаний человека, но не грамматический порядок в языке.

Язык как сверхсложная система включает в себя ряд понятий, без которых невозможно выразить сущность языкового бытия. Р.П. Мильруд впервые ввел соответствующий терминологический аппарат для обозначения языка как сверхсложной системы, который включает следующие ключевые понятия:

1. Начальное условие – условие развития естественного человеческого языка, при котором происходит стихийная саморегулирующая произвольность языкового знака любого уровня. Механизм стихийного развития языкового знака любой сложности со-

стоит из формулы «интенсивная коммуникация + социальное познание + игровое решение». Этот механизм хорошо объясняет непредсказуемость языковых взаимодействий, когда в одном языке утверждаются слова-заимствования. Попытки регулировать грамматический порядок вступают в противоречие с «начальным условием произвольности». Использование грамматической формы, например «you was», при общении встречается повсеместно, хотя отрицается современной нормативной грамматикой.

2. Появление – свойство языка обнаруживать новые феномены. Любое появление характеризуется целостностью, новизной, необъяснимостью, непредсказуемостью и неразложимостью. Примером может быть Великий сдвиг гласных [90, с. 143], т.е. изменение английских гласных, которое в целом сводится к тому, что они становятся менее напряженными, дифтонгизированными, требуют меньше артикуляционных усилий. В современных условиях этот процесс продолжается. Более широко и свободно произносится звук <a:>. Вместо <t>предпочитается <glottal stop>. Звук <i> в конечной позиции меняется на <w> – fool = <foow>. Характерно, что разговорные нормы допускают замену <Ɵ> на (f), e.g. teeth может произносится как (ti:f), экономя артикуляционные усилия говорящего. Появление начинается с «точечных изменений», которые постепенно «ветвятся». Каждая точка нового ответвления называется точкой бифуркации. Чем дальше от начальной точки, тем менее предсказуемыми становятся изменения. Новые произносительные и иные тенденции принимаются в условиях интенсивной коммуникации, где присутствует некое «коллективное бессознательное», создающее у носителя языка интуитивный образ должного, что еще раз подчеркивает сверхсложность языка как явления.

3. Странный аттрактор – отклонения от языковых норм, которые в конечном итоге приводят к образованию новой, более сложной нормы.

4. Фракталы – формы, повторяющиеся как при разложении целого на его составляющие, так и при построении более сложных конструкций, признаком которых является признак «вложимости». В языке выделяют фракталы: фонетические, морфологические и синтаксические.

Фонетические фракталы демонстрируют физическую организацию потока речи, представляющего собой сложно построенный звук, разложимый на составляющие его фонетические единицы.

Морфологические фракталы имеют семантическую организацию, в которой семантическое целое состоит из семантических составляющих.

Синтаксические фракталы имеют формальную организацию. Строительным материалом синтаксических фракталов является группа подлежащего и группа сказуемого. В соответствии с этим предложение может быть распространенным, но оно всегда будет разложимо на группы подлежащего и сказуемого. Синтаксические фракталы имеют место на любом уровне грамматического порядка – от предложения до текста любой сложности.

5. Ответвление (spin-off) – способность языка как сверхсложной системы самостоятельно образовывать метаязыки, представляющие собой лингвистическое образование «рядом с основным языковым телом». Современным проявлением ответвлений в языке служит глобализация английского языка. Грамматический порядок в «ответвленных образованиях» проявляется в функционировании языка и содержании обучения [90, с. 46].

Все вышеизложенное подчеркивает, что естественным состоянием человеческого языка является хаотическое состояние, в хаосе заключается жизнь языка как сверхсложной системы, способной к саморазвитию и саморегуляции в условиях интенсивной коммуникации, а также открывает перспективы для исследования грамматического порядка языкового хаоса в области лингвистического корпуса.

Р.П. Мильруд отмечает, что наиболее загадочное проявление свойств языка как сверхсложной системы – это возникновение новых феноменов в языке. По теории сверхсложных систем любое появление характеризуется целостностью, новизной, необъяснимостью, непредсказуемостью и неразложимостью. В качестве примера он предлагает рассмотреть Великий сдвиг английских глаголов, который начался в средние века и по некоторым данным продолжается до сих пор (см., например, материалы Estuary English как новейшей тенденции развития английского произношения).

В современных условиях обнаружено несколько тенденций изменения не только английских гласных, но идругих факторов языка.

Во времена Чоусера и королевы Елизаветы считалось нормальным употреблять предложения с двумя или даже тремя отрицательными формами. В настоящее время, в отличие от предыдущих лет, в разговорной речи можно встретить в одном предложении два

или три отрицания: She won't never do nothing, Nor this is not my nose neither, he nevere yet no vileynye ne sayde.

В английском языке изменились также звуки, например, слово reason звучало как raisen, звук [L] произносился в словах would и shoul.

Также для английского характерно изменение окончаний:

Changes of endings (words)	
urum	our
heofonum	heaven
eorðan	earth
forgyfað	forgive
tobecume	become
alys	release

В контексте синергетического подхода к саморазвитию в языке прослеживается саморазвитие в грамматических структурах, тесно связанных с появлением точки бифуркации. Так, Великий сдвиг гласных, возможно, связан с тем, что английский язык утратил систему падежных окончаний, но установить причинно-следственную связь в сверхсложной системе невозможно. Главное – максимально полно представить саму систему или ее фрагмент. Еще раз подчеркнем, что хаотические явления типа Великого сдвига гласных принципиально не могут быть объяснены причинно-следственными связями. Эти связи нельзя обнаружить, ни двигаясь от первой точки процесса до последней, ни возвращаясь назад по причинно-следственной лестнице.

Новые фонетические и иные тенденции принимаются в условиях интенсивной коммуникации, социального познания и игрового решения. Следует отметить, что с появлением точек бифуркации обнаруживается «эффект структуры», описанный еще Аристотелем, который в свое время утверждал, что целое никогда не является суммой его частей.

В появляющихся массовых изменениях присутствует некоторые «коллективное бессознательное», т.е. интуитивный образ должного у носителей языка. Почему те или иные тенденции воспринимаются как «должное» в массовом масштабе, можно объяснить только тем, что язык существует в социуме как сверхсложное явление.

При анализе языка, прежде всего языка науки, используют аналитический метод, что подтверждает тот факт, что анализ совпадает с искусством рассуждения и искусством открытия. Еще Кант, выявляя различные уровни знания, осмыслил анализ и синтез как специфические формы познавательной деятельности. Метод анализа стал широко применяться в естественных и социальных науках. Так, например, Ж. Боден в книге «Метод легкого познания истории» (1956) построил концепцию общества на основе разделения целого (гражданского) порядка на составные части.

А.П. Огурцов [71, с. 85] в духе современного видения познавательного процесса отмечает, что лишь немногие представители классической мысли (первым среди них был Кант) осознали то обстоятельство, что теоретический дискурс не является столь линейным, как он представлялся в геометрическом способе мысли, что он предполагает обращение к процедурам воображения, видение идеальных объектов, включение времени в акты синтеза, выхода разума за пределы опыта. Это и стало ядром философии и науки XX века, которая началась с разрушением в геометрии и физике гомогенности евклидова пространства, с понимания пространства как энергетического поля [71, с. 89].

Рассуждая о дискурс-анализе, следует выделить две традиции, на которые он опирается. Во-первых, это традиция этнолингвистических исследований, ориентированных на запись и анализ устных текстов разных языков; среди наиболее известных представителей этой традиции – школа американской этнолингвистики. Во-вторых, это чешская лингвистическая школа, которая возродила интерес к таким понятиям, как тема и коммуникативная организация текста. Следует отметить, что в это время были опубликованы важные работы по лингвистике текста[1].

[1] Основополагающие американские работы, связывающие дискурсивные штудии с более традиционной лингвистической тематикой (У. Лабов, Дж. Граймс, Р. Лонгейкр, Т. Гивон, У. Чейф). К 1980–1990-м годам относится уже появление обобщающих трудов, справочников и учебных пособий,

Дискурсивный анализ подходит для изучения структуры различных текстов. Прежде всего, дискурсивный анализ изучает выражаемые этими структурами «подстрочные» значения, мнения и идеологию. Так, голландский ученый Г. Хофстеде [72] ввел луковичную диаграмму. Внешний, самый поверхностный слой диаграммы занимают символы (слова, жесты, артефакты и т.д.), поэтому они в структуре Хофстеде даются в виде поверхностного слоя луковицы (рис. 1).

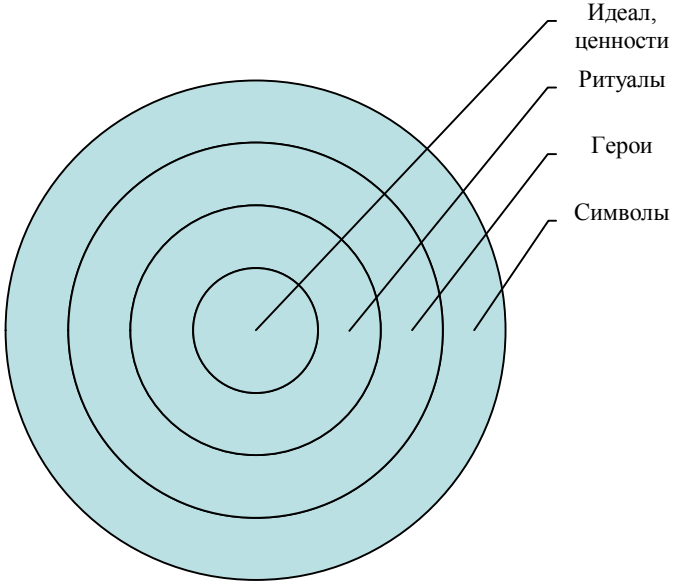

Рис. 1. Диаграмма Г. Хофстеде

Как видно из диаграммы, символы, герои и ритуалы объединены в категорию практических проявлений культуры, они представ-

таких как «Дискурсивный анализ» (Дж. Браун, Дж. Юл, 1983), «Структуры социального действия: Исследования по анализу бытового диалога» (ред. – Дж. Аткинсон и Дж. Херитидж, 1984), четырехтомный «Справочник по дискурсивному анализу» (под ред. Т. ван Дейка, 1985), «Описание дискурса» (ред. С. Томпсон и У. Манн, 1992), «Транскрипция дискурса» (Дж. Дюбуа и др., 1993), «Дискурсивные исследования» (Я. Ренкема, 1993), «Подходы к дискурсу» (Д. Шиффрин, 1994), «Дискурс, сознание и время» (У. Чейф, 1994), двухтомный труд «Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение» (ред. Т. ван Дейк, 1997).

ляют собой видимые для внешнего наблюдателя явления, и это называется эксплицитным слоем. Невидимый же слой культуры в контексте дискурса сконцентрирован в ее ценностном ядре. Именно ценности и нормы определяют и руководят поведением людей, которые манифестируются в символах и ритуалах. И это называется имплицитным слоем.

Л.В. Куликова [91], описывая диаграмму Хофстеде, выявляет поверхностные и глубинные слои коммуникации. Так, герои (личности) воплощают в себе качества, достойные уважения. К этой категории Хофстеде относит также фантастические или комические фигуры, олицетворяющие дух нации и эпохи. Ритуалы представляют собой определенные последовательности символических действий и актов общения при заданности порядка действий и четком распределении ролей участников. Любой ритуал, передаваемый из поколения в поколение, выступает как материальный носитель культуры, как форма ее физического существования, например политические действия, религиозные церемонии, свадьба, день рождения, похороны, ритуалы приветствий и прощаний, речевой этикет и т.д.

В американской научной литературе известен еще один визуальный прием: любая культура может быть представлена в форме айсберга, имеющего подводную и надводную части. Подводная (имплицитная) часть скрывает ценности, нормы, мировоззрение представителя данной культуры. Иначе говоря, это – ее ментальная составляющая. Надводная (эксплицитная) часть выражается в многообразной деятельности людей и произведенных ими продуктах, т.е. мы имеем дело с материальной стороной культуры. Встреча двух айсбергов символизирует встречу двух культур, т.е. межкультурное общение [90]. Взаимодействие представителей двух разных культурных групп осуществляется в первую очередь на уровне скрытой (подводной) части каждой культуры, там, где сталкиваются специфические для каждого народа нормы, ценности, мировоззренческие взгляды через соответствующий дискурс. Этот ментальный (имплицитный) дискурсивный контакт носителей разных культур происходит на подсознательном уровне. Межкультурные различия, «конфликт» проявляются на уровне эксплицитного выражения культур: в поведении партнеров, в интерпретации этого поведения и т.д.

Особенность дискурс-анализа как раз и заключается в том, что он описывает текст в терминах теорий, разработанных для нескольких уровней дискурса. Если классическая лингвистическая семиотика разводит понятия формы (означающего) и значения (означаемого) как составляющих знака, то дискурс-анализ видит в тексте сложное образование и требует отдельного исследования фонетических, графических, морфологических, синтаксических, микро- и макросемантических, стилистических, гиперструктурных, риторических, прагматических, интеракционистских и других структур и стратегий. Каждый из этих уровней имеет собственные характеристики, которые могут быть интерпретированы на других уровнях как в русле традиционной лингвистики, так и вне ее рамок.

Таким образом, модель когнитивной обработки дискурса, предлагаемая Т. ван Дейком [89], как мы уже отмечали выше, предполагает анализ на трех уровнях: семантическом, прагматическом, интеракциональном (по последствиям для поведения партнеров по речи). Для такой интерпретации дискурса человеком необходимы не только знания о языке, но и знания о мире и ситуации общения. Это означает, что в ходе лингвистического анализа сведения лингвистического порядка постоянно соотносятся с другими типами знания, а также с теми знаниями опытного порядка, которые хранятся в эпизодической памяти человека [75].

Для теории обучения иностранным языкам наиболее целесообразно рассматривать структурное содержание дискурса с точки зрения позиции Т. ван Дейка, Г. Хофстеде, М. Макарова, где дискурс выступает как линейное, так и самоорганизованное когерентное образование.

За каждым типом дискурса проступает свой «возможный мир», действия и объекты в котором оцениваются и осмысляются по логике этого (воображаемого и, в общем, конструируемого человеком) мира. Близость этого возможного мира к реально существующему может принимать самую разную форму (от достаточно адекватного его отражения до полного искажения, от следования правде или истинности фактов до вымысла, фантазии, от погруженного в прошлое – до предполагаемого, желательного или же неизбежного в будущем и т.д.). Можно вполне говорить поэтому о «мире дискурса» и восстанавливать – по языковым данным или по ассоциациям с этими данными – его специфические черты (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкина).

Е.С. Кубрякова видит главную цель лингвистического анализа дискурса в демонстрации всего многообразия языковых форм, эксплуатируемых для выражения того или иного коммуникативного замысла. «Решение всякого смыслового задания требует активизации вполне определенных черт языка, и из существующего альтернативного ряда средств, из имеющегося набора разных возможностей и приемов выбираются или строятся конкретные языковые формы» [75, с. 531].

Следует отметить, что разные типы дискурса требуют разной грамматики и разной лексики. Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию диалогичного дискурса предполагает изучение концептосферы данной разновидности общения, которая представляется особой формой репрезентации коллективного знания. Концепт является базовой когнитивной единицей хранения информации, играющей главную роль в порождении и интерпретации дискурса.

Объективация концепта всегда будет зависеть от типа анализируемого диалога (talking about yourself, starting conversation, making a date либо asking for information: question techniques, answering techniques, getting more information).

Приняв за единицу анализа дискурс в рамках современной парадигмы знания, наука трактуется как многообразие форм дискурса, их взаимоотношений. Этот подход ведет к тому, что в исследовании широко используются такие лингвистические понятия, как историческое воображение, тропы – метонимия, метафора, ирония, шаблоны и т.д., иными словами, все то многообразие средств, которые обычно причислялись к «риторическим фигурам» и выносились за скобку научных высказываний, отождествляемых с нейтральными денотативными пропозициональными предложениями, т.е. наука трактуется как нарратив, как повествовательный дискурс и к нему прилагаются все средства, ранее используемые в риторике.

Риторический поворот в анализе знания, который нередко отождествляется с софистикой, означает поворот к коммуникативным параметрам научного исследования, выявление условий и возможностей понимания другого и достижение взаимопонимания. Этот поворот предполагает раскрытие нелинейного характера рассуждения и мышления в науке. Нелинейная модель мышления исходит из понимания его как одной из характеристик когнитивного поля, в которое вводятся многие из тех способностей, которые ранее ис-

ключались при изучении мышления: воображение, воля, ценностные ориентации, аффекты и др. Так, уже когнитивная психология кладет в основание исследования мышления осмысление когнитивных карт и описание скрытых целостных полей, определяющих предвосприятие и осмысление объектов. Кроме того, нелинейные модели предполагают анализ мышления как состояния когнитивного поля, которое связывает моменты мышления в единую конфигурацию локальных различий, являющихся матрицей локальных сетей, функций и векторов. О нелинейном мышлении как целостном видении мира мы будем говорить более подробно несколько позже.

2.5. Язык и мышление. Феномен «сложного» мышления

Язык рассматривается как самоорганизующаяся, коммуникативная система, развитие которой подобно развитию живого организма. Недостаточно изучать язык как замкнутую систему значений, для более глубокого понимания природы языка необходимо включать в рассмотрение не только семиотические параметры, но и онтологические, коммуникативные, социокультурные. Рассматривая язык как саморазвивающуюся систему, следует учитывать как лингвистические правила, так и общие эволюционные законы, которым подчиняется в своем развитии любая система.

Безусловно, обучение языку происходит по какой-то определенной выбранной модели. Так, Джей Г. Форрестер в своей книге «Мировая динамика» дает описание предложенной им мировой модели. Человек всегда действует, как считает Форрестер, на основе моделей, имеющихся в его распоряжении. Мыслительные образы – это тоже модели. В настоящее время также широко используем такие мыслительные модели в качестве основы для действий. «Каждый человек, который предлагает политику, закон или последовательность действий, делает это на основе модели, к которой он в данный момент питает наибольшее доверие» [26, с. 72].

Чтобы рассматривать язык сквозь призму его постоянного развития, его движения, т.е. как саморазвивающуюся систему, необходимо обладать нестандартным мышлением, нестандартным видением картины мира. Такое мышление на современном этапе называется «сложным мышлением», это определение принадлежит Эд-

гару Морену, президенту Ассоциации сложного мышления (Association pour La pensée complexe). Он является признанным международным авторитетом в области теории сложного мышления[2]. Э. Морен был противником разделения знаний на обособленные дисциплинарные области и указывал на то, что знания способны обретать свой собственный смысл, когда будут воздвигнуты мосты между различными областями дисциплинарного знания.

В книге Э. Морена «Метод» суммировано то, к чему пришел автор в ходе размышлений на протяжении всей своей жизни. Проблемы понимания сложности того мира, в котором мы живем, являются многомерными по своему характеру, ибо сама сложность многоаспектна. Морен часто ссылается на те или иные мысли Паскаля: «Паскаль – архетип того, кем я считаю самого себя, – человек – носитель рациональности, научности, но в то же время человек – носитель сомнения, веры, мистицизма и религии. Я всегда остаюсь очень рациональным, но в то же время я борюсь против рационализации, поскольку я полагаю, что существуют пределы логики и разума; я верю в науку, полностью отдавая себе отчет в существовании пределов того, что доступно науке» [23, с. 20–21].

По мнению Э. Морена, сегодня наша историческая потребность – нахождение метода, который обнаруживает, а не скрывает связи, соединения, наслоения, взаимозависимости, сложности. Морен связывает поиски метода с синергетическим подходом, ссылаясь на идеи И. Пригожина. В сложном природном взаимодействии осуществляется «диалог» порядка и беспорядка, этот диалог осуществляется в необыкновенной великой игре взаимодействий, превращений, организаций, где каждый работает за себя, каждый за всех, все против одного, все против всего…» [23, с. 108].

В книге «Метод» Морен пишет, что сложное мышление – это не замена простоты сложностью, а осуществление непрерывного диалогического движения между простым и сложным [23, с. 249]. Разработанный им метод таков, что он позволяет связать части с целым, а целое с частями. Эта проблема диалектики части и целого,

[2] Эдгар Морен – автор около 50 книг, но главный труд его жизни – это, безусловно, «Метод» (1977–2001). Сочинения Морена переведены на многие языки мира и изданы в странах Европы, Азии и Латинской Америки. Он пришёл к неразделимости разума и безумия в человеческом существе не без влияния Достоевского. Он сам признается, что больше всего из русских писателей затронул его душу и ближе ему – Достоевский.

столь актуальная и для языка как саморазвивающейся системы, фиксировалась мыслителями. Например, Паскаль отмечал, что все вещи, причинно обусловленные и причинно обуславливающие, которым оказывается помощь и которые помогают, опосредованные и непосредственные, взаимосвязаны, и поскольку все связано друг с другом естественной и неощутимой связью, которая соединяет самые отдаленные и самые непохожие явления, невозможно познать части, не познав целое, а равным образом и познать целое, на познав досконально части. Эта проблема диалектики части и целого столь же актуальна и для языка как саморазвивающейся системы.

Такой подход в методологии обозначается как холистический. Во времена Паскаля он не был доминирующим. Коротко охарактеризуем, как происходило его утверждение в культуре. В нашем исследовании это важно, поскольку в развитии языка и в методике обучения языку системный и холистический подходы находят все большее воплощение.

Метод – «прокладывание пути», продвижение вперед без дороги, прокладывание дороги в процессе продвижения по ней. Поэтому мы сможем научиться учиться, обучаясь в самом процессе обучения. И в этом случае наши усилия будут направлены, следовательно, не на целостность знаний в каждой отдельной сфере, а на решающее знание, стратегические пункты, узлы коммуникации, организационные соединения между разъединенными сферами знания. Следуя такой стратегии обучения, попытаемся обосновать ее сопряженность с естественными процессами в языке.

Для более глубокого понимания сложного мышления представляется целесообразным еще раз обратиться к работе Ф. Капры «Паутина жизни» [16], в которой представлен системный подход к исследованию живого.

Он считает, что решения основных проблем нашего времени существуют, некоторые из них даже элементарно просты. Однако они требуют радикального сдвига в наших представлениях, в мышлении, в системе наших ценностей. «Чем больше мы изучаем основные язвы нашего времени, тем больше убеждаемся в том, что их нельзя осмыслить по отдельности. Это системные проблемы, т.е. взаимосвязанные и взаимозависимые» [16, с. 19]. Формируется новое мировоззрение, которое характеризуется взглядами на мир как на единое целое, а не собрание разрозненных частей. Такой подход

называют еще и экологическим, а соответствующий ему образ мысли называют системным мышлением.

Первопроходцами системного мышления стали биологи, которые придерживались взгляда на живой организм «как на интегрированное целое» [16, с. 33]. Далее этот взгляд был распространен на области психологии, экологии, квантовой физики и т.д. Ф. Капра также отмечает, что еще Кант, а еще ранее Аристотель подчеркивали, что организмы, в отличие от машин, представляют собой самовоспроизводящиеся, самоорганизующиеся целостности.

Нельзя не отметить большой вклад в системное мышление, сделанное Александром фон Гумбольдтом. «Системное мышление контекстуально, что являет собой противоположность аналитическому мышлению. Анализ означает отделение чего-либо с тем, чтобы понять его; системное мышление означает помещение чего-либо в более обширный контекст целого» [16, с. 45].

Характеризуя свою книгу, сам Ф. Капра говорит, что паутина жизни – это древняя идея, к которой на протяжении веков обращались не только ученые и философы, но и поэты, и мистики, чтобы передать свое ощущение сплетенности и взаимосвязанности всех явлений.

В логике картезианского мышления целое может быть понято, исходя из свойств его частей. Системная наука утверждает, что живые системы нельзя понять посредством анализа. Свойства частей – не внутренне присущие им свойства, и они могут быть поняты только в контексте целого. «В конечном счете – и это наиболее драматично показала квантовая физика – частей вообще нет. То, что мы называем частью, – это всего лишь паттерн в неделимой паутине взаимоотношений» [16, с. 54]. Тем самым Ф. Капра подчеркивает, что системное мышление – это контекстуальное мышление, и поскольку объяснение веществ в их контексте означает объяснение на языке окружающей среды, то можно сказать, что все системное мышление – это философия окружающей среды.

В системной науке каждая структура рассматривается как проявление процесса, лежащего в ее основе. Системное мышление – это всегда процессуальное мышление. В этом смысле оно также имеет свои корни. Вспомним знаменитый афоризм Гераклита: «Все течет». Ф. Капра в своей работе отмечает тот факт, что известный ученый Людвиг фон Берталанфи, написавший в 1968 году труд «Общая теория систем», нигде не упоминал имя русского медика-

исследователя, философа и экономиста Александра Богданова, который разработал тридцатью годами ранее системную теорию. Он назвал ее тектологией, т.е. наукой о структурах. Тектология стала первой в истории науки попыткой дать систематическую формулировку принципов организации, действующих в живых и неживых системах. Она предвосхитила концептуальную структуру общей теории систем Людвига фон Берталанфи. Она содержала также несколько важных идей, которые были сформулированы четыре десятилетия спустя Винером и Эшби [16, с. 61].

Во второй половине XX века И. Пригожиным была разработана теория диссипативных структур, объясняющая процессы самоорганизации. Самоорганизация – это спонтанное зарождение новых структур и новых форм поведения в далеких от состояния равновесия открытых системах, которое характеризуется появлением внутренних петель обратной связи и математически описывается нелинейными уравнениями.

Рассматривая неустойчивые, неравновесные системы в живой природе, ученый высказал парадоксальное на первый взгляд утверждение: порядок непродуктивен, хаос продуктивен. С позиций философии нестабильности мир предстает как открытая, диссипативная, неравновесная, нелинейная система, «в которой... порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают... различное видение мира» [64, с. 7].

Следует отметить, что создание кибернетической школы ученых стало новым стимулом к междисциплинарному синтезу естественных и гуманитарных наук. Это привело крупных ученых к участию в интенсивных междисциплинарных диалогах, в процессе которых разрабатывались новые идеи и методы мышления. Категориальный аппарат нового мышления представлен такими терминами, как «паттерн», «система», «коэволюция», «целостность», «коммуникативность».

Безусловно, системное мышление связано с познанием. Так, У. Матурана и Ф. Варела считают, что познание – это не представление независимо существующего мира, но скорее творение мира в процессе жизнедеятельности. Здесь они близки к мировоззрению Э. Морена, который рассматривал «метод» как «прокладывание пути», прокладывание дороги в процессе продвижения по ней. По словам Матураны и Варелы, «жить – значит знать».

Следует отметить, что У. Матурана рассматривает самосознание в тесной связи с языком. Он показал, что понять язык можно через тщательный анализ общения. Общение – это не просто процесс передачи информации, а координация поведения живых организмов посредством их взаимного структурного сопряжения. В качестве примера он приводит птичье пение, брачную песню африканских попугаев, которая, как правило, исполняется в густых лесах, где полностью исключен зрительный контакт. С помощью определенной мелодии формируются брачные пары. Этот тип общения представляет инстинктивный уровень. Тип общения, развитый в процессе обучения, Матурана называет лингвистическим. Именно такое поведение, по мнению Матураны, лежит в основе языка. Язык же появляется тогда, когда возникает общение по поводу общения. Другими словами, процесс оязычивания (Languaging), как его называет Матурана, знаменует собой координацию координации поведения.

В логике вышесказанного можно сделать заключение, что на современном этапе обучение иностранному языку (иноязычному дискурсу) будет более эффективным, если сам преподаватель будет не только профессионально продуктивен, но и будет мыслить нестандартными категориями, обладать нелинейным мышлением.

Выводы

1. Обнаружено, что еще М.М. Бахтин, прямо не обозначая синергетическое движение в диалоге, отмечал в своих работах языковое движение в диалоге, пространстве и времени, разделяющее коммуникантов.

2. Дано определение дискурса с учетом его основных компонентов и характеристик в логике синергетического движения языка.

3. Проанализировано со ссылкой на зарубежных и отечественных авторов понятие ментального лексикона в качестве нового компонента дискурса как сверхсложной саморазвивающейся системы.

4. Дана краткая характеристика нелинейного мышления.

Литература

1. *Хакен Г.* Синергетика / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 404 с.

2. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Синергетика и психология. – М., 1999. – Вып. 2: Социальные процессы. – 272 с.

3. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240 с.

4. *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках: пер. с англ. / И. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – 328 с.

5. *Пригожин И.* Время, хаос, квант: пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – 268 с.

6. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой: пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

7. *Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогноз. Настоящее и будущее / Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов // Новое в синергетике: взгляд в третье тысячелетие. – М., 2002. – 478 с.

8. *Капица С.П.* Демографическая революция, глобальная безопасность и будущее человечества // Будущее России в зеркале синергетики / под ред. Г.Г. Малинецкого. – М., 2006. – С. 238–254.

9. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

10. *Буданов В.Г.* О методологии синергетики // Вопр. философии. – 2006. – № 5. – С. 79–94.

11. *Буданов В.Г.* Принципы синергетики и языка // Философия науки. – М., 2002. – Вып. 8. – С. 340–355.

12. *Пригожин И.* Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 584 с.

13. *Князева Е.Н.* Мыслить синергетически значит мыслить диалектически // Актуальные вопросы диалектики: (историко-философские аспекты). – М.: Кафедра философии РАН, 2000. – С. 113–117.

14. *Аршинов В.И.* Проблема языка в постнеклассической науке / В.И. Аршинов, Я.И. Свирский // Физика в системе культуры. – М., 1996. – С. 175–194.

15. *Матурана У.* Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М., 2001. – 207 с.

16. *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – М.: ИД «София», 2003. – 336 с.

17. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир. –М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 576 с.

18. *Аршинов В.И.* Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл. Синергетический опыт языка. – М., 1999. – С. 11–38.

19. *Бранский В.П.* Социальная синергетика как современная философия истории // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 117–127.

20. *Войцехович В.Э.* Синергетическая концепция фракталов (социальные и философские основания) // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М., 2003. – 584 с.

21. *Хакен Г.* Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М., 2003. – 584 с.

22. *Бранский В.П.* Теоретические основания социальной синергетики // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 112–130.

23. *Морен Э.* Метод. Природа Природы / Э. Морен. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.

24. *Балюк И.А.* О биоадекватной методике преподавания иностранных языков // Науч. докл. / МАНПО. – М., 1998. – С. 35–46.

25. *Маслова Н.В.* Ноосферное образование / Н.В. Маслова. – М., 2002. – 338 с.

26. *Форрестер Д.* Мировая динамика / Д. Форрестер. – М.; СПб.: Терра-Fantastica, 2003. – 380 с.

27. *Эйнштейн А.* Пролог // Собр. науч. тр. – М., 1967. – Т.4. –153 с.

28. *Инфельд Л.* Страницы автобиографии физика // Новый мир. – 1965. – № 9. – С. 30.

29. *Менегетти А.* Словарь образов (практическое руководство по имагогике): пер. с итал. и англ. / А. Менегетти; общ. ред. Е.В. Романовой и Т.И. Сытько. – Л.: ЭКОС: Ленингр. ассоциация онтопсихологии, 1991. – 112 с.

30. *Пинкер С.* Язык как инстинкт: пер. с англ. / С. Пинкер; общ. ред. В.Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.

31. *Маковский М.М.* Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский. – М., 1996. – 330 с.

32. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 501 с.

33. Joyce James. A Portrait of the Artist as a young man / James Joyce. – N.Y., 1916. – 172 p.

34. *Chomsky N.* Language and problems of knowledge / N. Chomsky. – MA: MIT Press. Cambridge, 1988. – 120 p.

35. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 535 с.

36. *Storry M.* British Cultural Identities / M. Storry, P. Childs. – London; New York, 2000. – 350 p.

37. *Холтон Дж.* Тематический анализ науки / Дж. Холтон – М., 1981. – 382 с.

38. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер; пер. и прим. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с.

39. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

40. *Халеева И.И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 277–285.

41. *Хайдеггер М.* Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 445 с.

42. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1997. – 445 с.

43. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М., 1988. – 704 с.

44. *Деррида Ж.* О грамматологии / Ж. Деррида. – М., 1967. – 311 с.

45. *Делез Ж.* Различия и повторения / Ж. Делез. – М., 1998. – 274 с.

46. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 693 с.

47. *Борхес Х.Л.* Письмена Бога / Х.Л. Борхес. – М., 1996. – 510 с.

48. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Психолингвистика в очерках и извлечениях: хрестоматия / под общ. ред. В.К. Радзиховской. – М., 2003. – С. 284–285.

49. *Кобляков А.А.* Синергетика, язык, творчество // Синергетическая парадигма. – М., 2002. – С. 327–329.

50. *Богданова О.Е.* Лингвистическое образование в условиях глобализации / О.Е. Богданова, С.К. Гураль // Вестн. / Том. ун-т. Сер. Методика преподавания иностранных языков. – 2007. – № 296. – С. 31–36.

51. *Князева Е.Н.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

52. *Гураль С.К.* Синергетика и лингвосинергетика // Вестн. / Том. ун-т. Сер. Методика преподавания иностранных языков. – 2007. – № 302. – С. 7–10.

53. *Молчанова Г.Г.* Синергия как основной типообразующий параметр современных языковых и межкультурных новаций // Вестн. / МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 4. – С. 9–20.

54. *Видт И.Е.* Генезис ментальностей в культурно-образовательных средах // Личность в социокультурном измерении: история и современность. – М., 2007. – С. 66–74.

55. *Иванов Д.В.* Психолого-педагогические подходы к исследованию образовательной среды // Мир психологии. – 2006. –№ 4 (48). – С.167–174.

56. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В.Е. Клочко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 174 с.

57. *Пригожин И.* Процесс самоорганизации в популяции / И. Пригожин, И. Стенгерс // Синергетика и психология. Вып. 2: Социальные процессы. – М., 1999. – С.272.

58. *Чернецкая И.В.* Формирование лингвистического мышления в процессе обучения грамматике второго иностранного языка в языковом вузе // Обучение второму иностранному языку в вузе и школе: сб. статей. – СПБ., 2006. – С. 109–123.

59. *Эбелинг В.* Самоорганизация – глобальные стратегии оформления будущего // Будущее России в зеркале синергетики / под ред. Г.Г. Малинецкого. – М., 2006. – С. 227–237.

60. *Майнцер К.* Сложность бросает нам вызов в XXI веке: динамика и самоорганизация в век глобализации // Будущее России в зеркале синергетики / под ред. Г.Г. Малинецкого. – М., 2006. – С. 209–226.

61. *Тер-Минасова С.Г.* Language, culture and teaching methods: sociocultural aspects of English language teaching // English: приложение к газете «Первое сентября». – 1999. – № 14. – С. 3.

62. *Барышников Н.В.* Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 28–32.

63. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 237–280.

64. *Зинченко В.Г.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 224 с.

65. *Демьянков В.З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Всесоюз. центр переводов: тетради новых терминов. Вып. 2: Методы анализа текста.– М., 1982. – С. 59–82.

66. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров. –2-е изд. – М., 1986. – 445 с.

67. *Bednarek M.A.* Emotion Talk Across Corpora / M.A. Bednarek. – Palgrave Macmillan, 2008. – 256 p.

68. *Бергельсон М.Б.* Спецкурс [Электронный ресурс] / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Электрон. дан. – М., 1997–2009. – URL: http://www.msu.ru (дата обращения: 27.07.2009).

69. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энцикл. словарь. – М., 1990. – С. 136–137.

70. *Dijk, Teun A. van* (Ed.). Discourse Studies. – London: Sage, 1997. – Vol. 1–3. – 120 p.

71. *Огурцов А.П.* Философия науки как конкуренция исследовательских программ // Методология науки: исследовательские программы. – М., 2007. – С. 84–116.

72. *Hofstede G.* Culture's consequences: international differences in work-related values / G. Hofstede. – London: Sage Publications, 1980. – 475 p.

73. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

74. *Хармс Д.* Встреча. Цикл «Случай» // Кругосвет: Онлайн энциклопедия. – М., 2001–2009. – Электрон. дан. – URL: http://www.krugosvet.ru /enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (дата обращения: 01.07.2009).

75. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.

76. *Кубрякова Е.С.* Лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 327–342.

77. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1989. – С. 217–237.

78. *Aitchison J.* Words in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. – Maldon a. o.: Blackwell Publishing, 2005. – 314 p.

79. *Залевская А.А.* Ментальный лексикон с позиции разных подходов // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. – М., 2009. – С. 311–327.

80. *Потебня А.А.* Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

81. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

82. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1982. – Т. 2. – 504 с.

83. *Chomsky N.* Language and problems of knowledge / N. Chomsky. – Cambridge: MA: MIT Press, 1988. – 120 p.

84. *Jackendoff R.* Semantics and Cognition / R. Jackendoff. – Cambridge: MIT Press, 1995. –123 p.

85. *Шведова Л.Н.* Трудные случаи функционирования видов русского глагола / Л.Н. Шведова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 109 с.

86. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации // Психолингвистика в очерках и извлечениях: хрестоматия / под общ. ред. В.К. Радзиховской. – М., 2003. – 323 с.

87. *Лосев А.Ф.* Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Эксмо Пресс, 1999. – 1024 с.

88. *Harris Z.* 1952. Discourse analysis // Language. – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.

89. *Dijk, Teun A. van.* Critical Discourse Analysis.– http://www.discourse-in-society.org/teun.html

90. *Мильруд Р.П.* Есть ли в хаосе грамматический порядок? // Язык и культура: Научный периодический журнал. – Томск, 2008. – № 1. – С. 38–48.

91. *Куликова Л.В.* Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: на материале русской и немецкой лингвокультур / Л.В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. **Язык сквозь призму синергетического видения** 3

1.1. Синергетический подход: история вопроса 3

1.2. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система..... 16

1.3. Этнокультурные коммуникации как языковая среда..... 30

1.4. Методологический анализ проекта «синергетическое движение в языке»..... 35

1.5. Синергетический подход в современных образовательных стратегиях: проекции лингвистического обучения 55

Глава 2. **Дискурсивный анализ в логике синергетического подхода: лингвофилософские аспекты дискурса**..... 74

2.1. Философская модель М.М. Бахтина..... 74

2.2. К определению понятия «дискурс»..... 78

2.3. Основные компоненты и характеристики дискурса 82

2.4. Методологические основы дискурс-анализа..... 97

2.5. Язык и мышление. Феномен «сложного» мышления 109

Литература..... 115

Научное издание

ГУРАЛЬ Светлана Константиновна

Язык как саморазвивающаяся система

Редактор *Е.В. Лукина*
Компьютерная верстка *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 20.10.09 г.
Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 7,6; усл. печ. л. 7,1; уч.-изд. 7,0. Тираж 500. Заказ № 872

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Издательство «Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1